
КЛИНИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

КЛИНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

Научно-просветительский журнал

1 • 2026

Новосибирск

КЛИНИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

(КЛИНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ)

1 • 2026

Научно-просветительский периодический журнал

Журнал «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ТУ54-00955 от 01 апреля 2025 г.

Учредитель и издатель: Сальников Олег Олегович

Редакционный совет

Главный редактор

Руденский Е. В. – доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор социальной психологии и клинической социологии, академик АПСН, МАСР, МАСП, МАПН, член-корреспондент МАН ВШ, президент – научный руководитель НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» (Новосибирск)

Зам. главного редактора

Клейберг Ю. А. – академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Тверь)

Руденская Ю. Е. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии НГПУ (Новосибирск)

Ответственный секретарь

Скорова Д. П. – бакалавр психологии, ассоциированный научный сотрудник НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», ответственный секретарь «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» (Новосибирск)

Редакционная коллегия

Андриенко Е. В. – доктор педагогических наук, профессор (Новосибирск);

Руднева Е. Л. – доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ (Кемерово);

Пономарёв В. Д. – доктор педагогических наук, профессор (Кемерово);

Чухрова М. Г. – доктор медицинских наук, профессор (Новосибирск);

Илларионов С. В. – магистр психолого-педагогического образования, магистр психологии, технический директор НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» (Новосибирск);

Сальников О. О. – магистр психолого-педагогического образования, исполнительный директор НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» (Новосибирск)

ISSN 3033-702X

© Сальников О. О., 2026

© Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология), 2026

© Оформление. ФГБОУ ВО «НГПУ», 2026

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией. Ссылки на журнал при цитировании обязательны

Журнал основан в 2025 г.

Выходит 4 раза в год

Электронная верстка – И. С. Заковряшина

Корректор – Е. С. Старожукова

Адрес редакции:

630049, г. Новосибирск, ул. М. Перевозчикова, 4-82, т. +7(913)019-60-90

Адрес типографии и издательства:

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, т. (383)244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 4,7.

Тираж 100 экз. Заказ № 17.

Формат 70×108/16.

Цена свободная.

Дата выхода в свет 15.04.2026

Отпечатано в Издательстве НГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ

Руденская Ю. Е.

Виктимодрама-концепция клинической социально-психологической
виктимологии личности профессора Е. В. Руденского: состояние
и перспективы развития..... 5

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Руденский Е. В.

Виктимодрама межличностных отношений: концептуализация и фе-
номенология культурно-психологического механизма виктимизиру-
ющих межличностных отношений 6

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Илларионов С. В.

Клинико-виктимологическая дифференциация концепции психодра-
мы Дж. Л. Морено и концепции виктимодрамы Е. В. Руденского 18

ДРАМА-ДИДАКТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Сальников О. О.

Драма-дидактика как методическое основание культурно-генети-
ческой терапии виктимных подростков: генетико-терапевтическая
концепция социальной реабилитации 35

ПСИХОМЕХАНИКА КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Кургузов М. Е.

Деформация ментальных функций как клинико-виктимологический
механизм виктимодрамагенеза психики ребенка в гиперопекающей
семье 44

Скорова Д. П.

Функциональная суррогация как механизм виктимизации личности
в контексте использования нейронных сетей 50

**ВИКТИМОДРАМА-АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ
КУЛЬТУРНО-РЕЛЯЦИОННОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ**

Другова Г. А.

Клинико-виктимологический анализ влияния патологии межличностных семейных отношений на культурное развитие ребенка-виктима..... 62

**КЛИНИКО-ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РЕВИКТИМИЗАЦИИ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ**

Соколова Е. А.

Религиозная аддикция как социальный сценарий ревиктимизации личности..... 66



ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА РУДЕНСКАЯ

Заместитель главного редактора журнала «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)», вице-президент, главный научный сотрудник НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии ФГБОУ ВО «НГПУ», член-корреспондент Международной академии образования, социальный психолог-виктимолог, rudenskaja@rambler.ru, Новосибирск, Россия

Виктимодрама-концепция клинической социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского: состояние и перспективы развития

Теоретическая концепция «виктимодрамы», разработанная Е. В. Руденским, определила новый этап развития социально-психологической виктимологии личности, а именно, выделение нового раздела – клинической социально-психологической виктимологии. Объектом клинической социально-психологической виктимологии является виктиман, который рассматривается как человек-жертва и переживает ревиктимизацию в процессе своего социально-ролевого функционирования.

Ревиктимизация выступает как предмет клинической социально-психологической виктимологии. Ревиктимизации подвергается подросток, который в силу аномалий культурного развития обрел онтогенетический статус виктима. Эти вопросы рассматривает генетическая социально-психологическая виктимология, объектом которой является виктим, а предметом виктимизация как единство виктимайзинга (превращения ребенка в жертву патологии межличностных отношений в семье и школе) и виктимогенеза (как психологического механизма развития виктимности и виктимной личности).

Содержание основных концептов социально-психологической виктимологии личности рассматривается в рамках феноменологической социально-психологической виктимологии, объектом которой является реляционно-культурная виктимность как система дефектов культурного развития психики, а предметом – реляционно-культурная виктимизация.

И четвертым разделом социально-психологической виктимологии личности является терапевтическая социально-психологическая виктимология. Объектом терапевтической социально-психологической виктимологии личности является виктимопат, а предметом – девиктимизация как специфический механизм реабилитационной терапии, консультативной терапии, дидактической терапии, культурно-генетической и акциональной терапии – терапии действием.

Четыре части, четыре раздела социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского образуют психотехническую мета-систему виктимологического знания, призванного обеспечить диагностическую, консультативную и терапевтическую практику социального психолога-виктимолога.

Подготовка социальных психологов-виктимологов осуществлялась на базе Новосибирского государственного педагогического университета. Магистерские программы «Психология и социально-педагогическая виктимология», «Драма-терапия виктимности» и «Организационная психология» позволили подготовить плеяду специалистов, которые сегодня успешно работают в различных учреждениях Новосибирска.

Концептуализация «виктимодрамы» как понятия сущности виктимности и виктимизации на теоретической платформе теории культурного развития Л. С. Выготского определила новый этап развития социально-психологической виктимологии личности – она приобрела статус социально-психологической теории генезиса, функционирования, диагностики и терапии виктимной личности.

Виктимная личность как социально-психологический тип личности и теоретический конструкт социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского рассматривается в трех состояниях: виктим; виктиман, виктимопат. И каждая из этих модальностей рассматривается на основе функционально-генетического подхода, раскрывающего понимание функциональных проблем личности как проблем, порождаемых виктимодрама-генезом, где драма – это социально-психологический механизм культурного развития, аномалии которой приводят к виктимизации.

Чтобы понять, а значит и принять для своей профессиональной деятельности социально-психологическую виктимологию личности, необходимо серьезно освоить ее концептуальную систему. Это важнейшее направление развития виктимодрама-концепции клинической социально-психологической виктимологии. Так, студенты факультета психологии НГПУ, изучающие курс «Виктимология», провели разработку концептуальных схем статей и монографий Е. В. Руденского и представили результаты этой работы на научной секции НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского».

Результатом заседания стали ментальные матрицы, которые позволили создать визуальные модели, раскрывающие логику, связь идей и ключевые понятия работ Евгения Владимировича. Перспективы развития виктимодрама-концепции клинической социально-психологической виктимологии утверждают в своей практической работе социальные психологи-виктимологи О. О. Сальников, С. В. Илларионов, К. В. Рифини, Н. А. Брют.

Социально-психологическая виктимология динамически развивается, что находит свое отражение в новых феноменах, концептах и направлениях, которые исследуют Е. В. Руденский и сотрудники его научно-исследовательской лаборатории.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 1

Научная статья
УДК 316.47+316.6

Виктимодрама межличностных отношений: концептуализация и феноменология культурно- психологического механизма виктимизирующих межличностных отношений

Е. В. Руденский¹

¹ Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Аннотация. Методологическая концептуализация культурно-психологического механизма виктимизации с позиции социально-психологической теории драмы как социально-психологической борьбы в социально-психологическом пространстве виктимизирующих межличностных отношений представляет клинко-виктимологический концепт «виктимодрама». Что характеризует концептуально-методологическое основание инновационной социально-психологической теории – виктимодрама-психологии межличностных отношений и социально-психологической практики – виктимодрама-социатрии девиктимизации, которые являются составными частями созданной Е. В. Руденским клинической социально-психологической теории, определяющей развитие нового направления профессиональной деятельности социальных психологов – виктимодрама-социатрии. Деятельности, в которой социальный психолог приобретает статус режиссера-терапевта, организующего действие как социально-психологическую борьбу. Борьбу, которая активизирует интеграцию и реорганизацию психодинамического механизма сознания – переживания. В связи с этим, раскрыты и представлены феноменологические характеристики концепта «виктимодрама», его клинко-виктимологическая морфология и система детерминант.

Показаны социально-терапевтические функции переживания как инструмента виктимодрама-терапии виктимизирующих межличностных отношений. Раскрыта инновационная трактовка концептов клинической социально-психологической виктимологии: «виктимность», «виктимизация», «виктимайзер», «виктимогенез».

Ключевые слова: виктимайзинг; виктимизация; виктимность; виктимогенез; виктимодрама; виктимодрама-психология; виктимодрама-социатрия; девиктимизация; драма-травматическое переживание; социально-драматическое переживание; социально-ролевое переживание; травма-драматическое переживание

Для цитирования: Руденский Е. В. Виктимодрама межличностных отношений: концептуализация и феноменология культурно-психологического механизма виктимизирующих межличностных отношений // Клиническая виктимология (социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 1. – С. 7–17.

Концепт «виктимодрама» является социально-психологическим конструктом, характеризующим сущность трактовки моего авторского подхода к пониманию природы и механизма зарождения, формирования и развития виктимности [6]. Подход, на основе которого сформировано путем синтеза идей психологии развития, социальной психологии развития и экзистенциальной психологии, носит базовое виктимологическое знание – *виктимодрама-психология*.

Одновременно концепт «виктимодрама» позиционируется как социально-психологический конструкт, раскрывающий сущность инновационного направления социально-терапевтической практики девиктимизации субъектных отношений и девиктимизации межличностных отношений – это виктимодрама-социатрия девиктимизации. И обосновывается инновационный для профессионально практикующих социальных психологов функциональный статус – статус режиссера-терапевта. Виктимодрама-психология и виктимодрама-социатрия являются двумя частями клинической социально-психологической виктимологии [13], рассматривающей виктимность как культурную патологию [12].

Виктимность как культурная патология развития личности определяет понимание виктимности как культурной патологии социального функционирования (а точнее, культурно-патологической дисфункции личности). Культурно-патологическая дисфункция является центральным концептом в концептуализации целого ряда психологических и социально-психологических проблем современного человека [8], что обуславливает интерес к социально-психологической виктимологии личности значительного числа современных психоаналитиков, психотерапевтов [3] и клинических психологов [15].

Социально-психологическая виктимология личности [11], формирующая теоретическое основание виктимодрама-психологии и виктимодрама-социатрии, определяет новый методологический взгляд на детерминизм психо-социальной проблематики функционирования личности – культурно-патологический детерминизм, что означает по своей сути виктимологический детерминизм функциональных проблем личности [9].

В таком методологическом ракурсе, центрированном на виктимности, развитие клинической социально-психологической виктимологии разворачивается как актуальная психотехническая теория социально-терапевтической практики и как *актуальный теоретический инструмент клинического мышления*, определяющего развитие и становление инновационной профессиональной деятельности клинических психологов, на основе синтеза клинической психологии, экзистенциальной психологии и социально-психологической виктимологии личности – клинической социально-психологической виктимологии. Она реализуется в практике профессиональной деятельности социального психолога как единство драма-аналитической, драма-дидактической, драматерапевтической деятельности, формирующих его социально-профессиональный статус как режиссера-терапевта. В центре внимания клинического социально-психологического виктимолога (клинического виктимолога) как

режиссера-терапевта находится новый концепт клинической практики – виктимность [7].

Виктимность как концепт, конструкция которого отражает понимание виктимности самосознания человека как социального субъекта, как социального актора, действия которого или дисфункциональны, или дисрегулятивны, или дисадаптивны. Это означает, что концепт «виктимность», а точнее, концепт «виктимность самосознания» (в такой интерпретации концепта «виктимность» отражена определенность не только его локализации, но и предстает в полной мере его клиническая сущность как характеристики культурной патологии личности) является теоретико-психологическим конструктом, определяющим понимание состояния самосознания социального субъекта в ситуациях функциональной невозможности (невозможности выполнить социально-ролевые функции социального актора); регулятивной невозможности (невозможности регуляции социально-функционального действия и сопутствующих эмоций социального актора); невозможности социальной адаптации к обстоятельствам действий социального актора (невозможности социально-ролевой и социально-функциональной адаптации в критических ситуациях) [16].

Каждая из этих трех функциональных невозможностей *характеризует концепт «виктимность самосознания» как функциональную уязвимость социального актора* (в трех ее проявлениях – функционально-психологическая уязвимость; функционально-ролевая уязвимость; функционально-психотехническая уязвимость), которая часто приводит его к *невозможности самодетерминации социальных и психологических действий*.

Находясь в системной взаимосвязи и взаимозависимости три функциональные невозможности представляют три части концепта «виктимность сознания» как психологической конструкции мета-системы сознания, характеризующая социальный субъект, не обладающего психологической возможностью реализовать себя как социального актора в силу того, что эти три уязвимости самосознания характеризуются как *функционально-психологическая невозможность самодетерминации действий социального актора*. А это раскрывает понимание виктимности как диспозиционной системы самосознания, детерминирующей возникновение бессубъектности и гетерономности и, ведущей к формированию объекта фронтальной манипуляции и концен-тальной деформации.

Функционально-психологическая невозможность самодетерминации действий социального актора, согласно пониманию сущности феномена «самодетерминация», блокирует возможность социального субъекта быть автономным (независимым), а превращает его в гетерономного (зависимого от внешней воли).

Функционально-психологическая невозможность самодетерминации действий социального актора блокирует возможность реализации компетентности действия (ее практически нет – дефицитарность компетентности или она деформирована – деформация компетентности), а также формирует травму отчужденности, переживание которой (травма-драматическое пере-

живание) не только детерминирует необходимость в спасателе (социальном доноре – манипуляторе), что, по сути, означает необходимость в межличностной зависимости.

Гетерономность, травма-отчужденность, межличностная зависимость таким образом являются структурными элементами (симптомами) виктимности сознания как клинического синдрома, определяющего функциональную виктимность социального актора.

Основанием, на базе которого зарождается и формируется функциональная виктимность социального актора, является *сопряженный механизм «травма-драматическое переживание – драма-травматическое переживание»*. Этот механизм становится индуктором деструктивных процессов в структуре и отдельных подсистем самосознания социального актора. Их деструкция формирует феноменологическую уникальность виктимности самосознания и дает импульс к концептуализации феноменологических характеристик концепта «виктимность самосознания», определяющими его динамические характеристики.

Концепция феноменологических характеристик концепта «виктимность-самосознания» характеризует его как клинко-симптоматическую систему (клинко-виктимологический синдром), включающий в качестве симптомов следующие:

- структурная диссоциация переживания как системно-процессуальный механизм формирования субъектного отношения и обеспечивающая системную трансформацию самосознания социального актора в действие, вводя его в функционально-девиантный режим саморазрушения субъектности;
- структурный диссонанс диспозиционной регуляции действия социального актора как механизма реализации психической активности самосознания и выражения субъектного отношения к социально-психологическому пространству функционирования социального субъекта, гармонизации социально-психологического пространства с психологическим пространством внутреннего мира;
- травма-когнитивная деструкция культурной и социальной идентичностей как сопряженного механизма психической саморегуляции (культурная идентичность) с механизмом социальной регуляции (социальная идентичность, вводящая социального актора в состояние культурной патологии и социальной патологии одновременно;
- ментальная гетерономия действий социального актора, означающая его невозможность к самостоятельной волевой организации действия и волевой концентрации на цели действия, в силу того, что травма-драматические переживания, приведшие этот механизм динамики сознания к структурной диссоциации, заблокировали процесс конации.

Виктимность самосознания формируется как деструктивная продуктивность виктимизирующих межличностных отношений, социально-психологическим механизмом реализации которых и является виктимодрама межличностных отношений.

Виктимодрама межличностных отношений концептуализирована как культурно-психологический механизм виктимизации и как социально-психологический механизм реализации виктимизирующих межличностных отношений, в сущности цели их функционирования – культивирование виктимности. Эти отношения являются интегрированным системным механизмом виктимизации личности, интегрирующим социально-психологический механизм культивирования виктимности – *виктимайзинг* – и психологический механизм ауто-культивирования виктимности как системы функциональной уязвимости самосознания социального актора в его развитии – *виктимогенез* [4]. Каждый из этих механизмов образует свою подсистему интегрированного механизма виктимизации.

Социально-психологическая подсистема этого механизма обеспечивает культивирование виктимности во взаимодействии виктимайзера (субъекта культивирования виктимности) с виктимом (жертвой культивирования виктимности), где ведущая роль в сопряженном механизме драма-переживания – травма-переживание, принадлежит драма-травматическому переживанию.

Драма-травматическое переживание функционирует как психологический инструмент виктимайзинга и как средство социальной эксклюзии (социального исключения) его жертвы из системы межличностных отношений, вводя ее в функциональный режим алиенации. Алиенация как функциональный режим социального актора в межличностных отношениях является виктимизирующим, так как означает отчуждение и процесс перехода социального актора из субъекта межличностных отношений в их объект воздействия. Межличностная алиенация является типом психологического насилия и социально-психологическим инструментом культивирования виктимности сознания.

Психологическая подсистема механизма культивирования виктимности реализует виктимизацию через ауто-культивирование виктимности (виктимогенез). Это осуществляется через *травма-драматическое переживание актов*, событий, действий, осуществляемых в процессе функционирования социально-психологической подсистемы культивирования виктимности, а точнее, от травмирующих впечатлений от этих действий виктимайзера. Травма-драматическое переживание впечатлений от действий виктимайзера является вторичным по отношению к драма-травматическому переживанию самого процесса виктимайзинга.

Драма-травматическое переживание как динамическое ядро функционирования виктимайзинга рассматривается с концептуальной позиции психологии действия в трактовке психики и личности, представленной П. Жане в его теории психологии действий [2].

Согласно этой позиции, травма-драматическое переживание дезинтегрирует и деформирует самосознание, лишая личность субъектности и полностью разрушает ее конацию (способность к волевой целеустремленной деятельности, социальную адаптацию) и самодетерминацию.

В таком понимании предстает в концепции виктимодрамы межличностных отношений понимание виктимности самосознания. Именно виктимно-

стисамосознания, определяющей виктимогенез как механизм зарождения и формирования гетерономной, дисадаптивной, дисрегулятивной, дисадактивной личности. В этом ее функциональная и консциентальная уязвимости. Уязвимости, которые формируют риски становления человека как жертвы. Человека-жертвы – *виктимана* [10].

Виктимодрама межличностных отношений как авторская концепция понимания механизма виктимизации самосознания обосновывает понимание действия как культурного орудия виктимизации, а виктимизирующие отношения как психологическое насилие или психологическое пренебрежение, которые являются условием виктимизации.

Виктимодрама межличностных отношений, являясь теоретическим инструментом концептуализации функционирования виктимизации самосознания в терапевтической деятельности, формирует методологическое основание для гносеологии актуальных проблем виктимизирующих межличностных отношений: буллинга, моббинга, абьюза, газлайтинга, неглекта, гостинга, харассмента и других, и раскрывает перспективные пути развития консультативной психологии и терапевтической психологии. И, конечно, психологии развития, в тренде которых зарождается, формируется и развивается новая ветвь терапевтической практики девиктимизации ментальных механизмов самосознания. Такая практика номинируется как *виктимодрама-психотехника девиктимизации*.

Виктимодрама-психотехника девиктимизации как социально-терапевтическая система включает:

- драматическое воспитание как психотехническую систему развития культурной саморегуляции;
- драма-педагогику как драма-психотехническую теорию социализации;
- драма-дидактику как драма-психотехническую теорию социогенеза;
- драма-терапию виктимности как психотехническую систему реконструкции деформированного самосознания и его динамического механизма – переживание через терапевтическое воздействие на виктимизирующие межличностные отношения.

Создание виктимодрама-психотехники девиктимизации формирует основание для реализации идеи Л. С. Выготского относительно «создания психологии в терминах драмы». Психология, которая раскроет драматизм развития и драматизм отношений, согласно сформулированному Л. С. Выготским основному закону культурного развития сознания, овладеет принципиально новым теоретическим инструментом концептуализации проблем психосоциального функционирования личности [14].

Исследование виктимизирующих межличностных отношений привело к созданию *виктимодрама-психологии* как теоретического фундамента клинической социально-психологической виктимологии, на базе которой возникает возможность сформировать перспективные направления практики психологического консультирования и социальной терапии – *консультативной виктимодрамы и социально-терапевтической виктимодрамы*.

Виктимодрама-психология, основанием для которой является концепция виктимодрамы межличностных отношений Е. В. Руденского, – это реальное воплощение идей Л. С. Выготского, теоретические идеи о драме культурного развития положены в обоснование авторской концепции виктимодрама-психологии межличностных отношений Е. В. Руденского.

Ядром концепции виктимодрама-психологии межличностных отношений является сформированная на базе разработанных автором социологической, социально-психологической, психологической и культурологической теорий виктимологии концепция виктимодрамы.

Виктимодрама как концептуальное выражение драматической природы виктимизирующих межличностных отношений представляет собой системную психологическую конструкцию понимания виктимности и механизма ее формирования – виктимизации, стержнем которой является теоретическая концепция действия, которая одновременно рассматривается и как гносеологический инструмент виктимодиагностики, и как терапевтический и дидактический инструменты виктимодрама-анализа, виктимодрама-дидактики, в виктимодрама-терапии, потому что суть самого понятия «драма» – это *действие*.

Признание действия в роли стержневой мета-конструкции интегрированной системы виктимодрамы исходит из понимания психики как системы функциональных действий, предложенного П. Жане [2]. И это приводит к пониманию виктимодрамы как мета-системы интегрированного психологического конструкта виктимизации самосознания человека как социального субъекта и как социального актора посредством виктимизирующих межличностных отношений (условия виктимизации) средствами виктимизирующих действий виктимайзера. Действий, которые, являясь формой психической активности, визуально регистрируемые в сознании жертвы, деформируя его, травмируя его, запускают механизм виктимогенеза – травма-драматические переживания.

Это обуславливает необходимость расширить понимание виктимности. Ведь виктимодрама межличностных отношений – это культивирование виктимности самосознания как системы функционально-психических действий драма-травматическими действиями социально-психологической борьбы виктимайзера с виктимом. Индуцируя активность травма-драматического действия (как единицы переживания). А это и есть виктимизирующие действия, реализующие виктимизирующие отношения.

Социально-психологические виктимизирующие отношения, реализующиеся через виктимизирующие действия виктимайзера индуцируют действия виктимизирующего онтогенеза – *виктимогенеза самосознания*, встраивая в его структуру социально-психологические виктимизирующие отношения, деформируя самосознание как систему действий до состояния гетеронормности, дисфункциональности, дисрегулятивности, дисадаптивности и уязвимости к внешнему влиянию.

Виктимодрама как процессуально-психологическая система культивирования виктимности самосознания, стержнем которой является виктимизирующее действие, интегрирует три базовых процесса:

- когнитивный, характеризующий в когнитивных виктимизирующих действиях виктимные риски содержания сознания виктимайзера, его когнитивные установки, когнитивные диспозиции как субъекта виктимайзинга;
- аффективный, раскрывающий в аффективных действиях эмоциональные оценки и эмоциональные диспозиции виктимайзера, реализуемые в действиях культивирования виктимности психики;
- конативный, выражает интрапсихические (мотивационные и волевые) и интерпсихические действия регуляции поведения в межличностных отношениях культивирования виктимности само сознания.

Разворачивание этих процессов во взаимодействии чаще всего связано с конфронтацией (социально-психологический уровень), дилеммами (психологический уровень) или конфликтами (интегрированный межличностный уровень), что приводит виктимизирующие межличностные отношения в режим особого функционального действия – межличностной социально-психологической борьбы. Травматичной по своей природе и часто трансформируемую в пролонгированную форму аффективно-когнитивного насилия. Оно создает множественные травматические разрывы этих отношений, что приводит к дезорганизованной (или деструктивной) привязанности и нарушениям в эмоциональном развитии виктима. Возникает враждебность как эмоциональный коррелят виктимности, диагностируемый в разных модификациях своего проявления.

Межличностная социально-психологическая борьба как система действий-психологических ударов и система действий-психологических защит синтезируется в мета-систему виктимизирующих межличностных отношений благодаря своему предмету – когниции, конации и эмоции.

Когниции понимаются в психологии как совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия, категоризации, мышления, речи, и прочих процессов, служащих обработке и переработке информации. Каждый из этих процессов понимается согласно концепции психики П. Жане как действие и осуществляется как действие. Поэтому, являясь предметом межличностной социально-психологической борьбы в виктимизирующих межличностных отношениях, они же и в этой борьбе участвуют, захватывая все ментальное пространство психики. Травмируя и деформируя ее.

Конация в психологии – это ментальный процесс, конкретнее – часть установочного процесса, связанного с действием или актом воли. В философии разума конация характеризует способность применять интеллектуальную энергию к задаче для достижения. Это способность сосредотачиваться и поддерживать постоянные усилия для достижения актуальных задач. Способность действовать целенаправленно, исходя из динамики самодетерминации.

Согласно позиции П. Жане, конация представляет систему действий волевой самоорганизации и волевой саморегуляции в достижении задач и осуществле-

нии целенаправленного действия. Конация – способность к волевому усилию, которая в межличностной социально-психологической борьбе разрушается, подавляется, пресекается за счет доминирующей позиции виктимайзера.

Эмоции в психологии – это процессы отражения субъективного отношения личности к окружающему миру, к себе, своим действиям и другим людям, отражающие субъективную удовлетворенность или неудовлетворенность жизненно важных потребностей. В межличностной социально-психологической борьбе используется запрет на эмоцию или навязывание неприемлемых форм выражения эмоций, что само приводит к эмоциональным перегрузкам и эмоциональным разрывам в функционировании психики и сворачиванию основных функций эмоций в психической жизни.

Межличностная социально-психологическая борьба как особый тип виктимизирующих межличностных отношений характеризует виктимодраму межличностных отношений как культивирование виктимности на трех уровнях одновременно:

- когнитивном через *культурно-сценарное программирование самосознания* как единство самопознания, самоосознания самооценки, которое чаще всего носит характер когнитивного насилия и фиксируется в сознании в виде когнитивно-дезадаптивных схем (в трактовке Дж. Янга [17]);
- аффективном через *блокировку (депривацию) базовых потребностей*, что приводит к формированию эмоциональных схем социально-ролевого функционирования (Р. Лихи [5]);
- конативном как *безвольно-дисфункциональный режим социально-ролевого функционирования* – инфантильно-виктимный режим (Дж. Шидлер [15]).

Виктимодрама межличностных отношений как двухуровневая система культивирования виктимности представлена двумя подсистемами: социально-психологической, механизмом которой является межличностная социально-психологическая борьба, и ауто-психологической подсистемой культивирования виктимности, механизмом которой становится травма-драматическое переживание как субъективное отношение (по Л. С. Выготскому).

Травма-драматическое переживание – это механизм зарождения, формирования и развития субъективного отношения, в отличие от драма-травматического переживания в межличностной социально-психологической борьбе, осуществляемой в виктимизирующих межличностных отношениях, которые являются социальными отношениями.

И если драма-травматические переживания характеризуют сущность виктимизирующих межличностных отношений как социальных отношений, то возникающие на их основе травма-драматические переживания как субъективные отношения (виктимайзера и виктима) встроены в драма-травматические переживания, являются их основанием и определяют уникальность социально-психологической природы виктимодрамы межличностных отношений. Эта драма представляет собой социально-психологическую межличностную борьбу за доминирование в отношениях социальных акторов (виктимайзера и виктима), находящихся в состоянии травма-драматических переживаний.

Фокус внимания в раскрытии феноменологии виктимизирующих межличностных отношений на переживании (драма-травматическом и травма-драматическом) показывает, что ведущая роль в виктимизации (как единстве виктимайзинга и виктимогенеза) принадлежит именно переживанию как когнитивно-аффективно-конативному комплексу, обеспечивающему деформационно-деструктивную динамику самосознания, что и является психодинамической характеристикой виктимности самосознания, виктимодрамы самосознания, деформационная деструкция которого и определяет деструктивную, культурно-патологическую сущность виктимодрамы межличностных отношений.

Вместе с этим, такой фокус приводит к пониманию предмета виктимодрама-социатрии виктимизации – драма-травматическое переживание (социально-психологическая девиктимизация социально-драматическим переживанием) и травма-драматическое переживание (психологическая девиктимизация социально-ролевым переживанием).

Таким образом, концептуализация и феноменология виктимизирующих межличностных отношений посредством концепта «виктимодрама межличностных отношений» приводит к пониманию феномена «переживание» как гносеологического объекта в исследовании виктимодрама-генетики и как терапевтической мишени в осуществлении виктимодрама-терапии виктимизированных межличностных отношений [1].

Список источников

1. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. – СПб.: Питер, 2024. – 288 с.
2. *Ван дер Харст О., Нейенхьюс Э. Р. С., Стил К.* Призраки прошлого: структурная диссоциация и терапия последствий хронических психических травм. – М.: Когито-Центр, 2013. – С. 165–262.
3. *Банник Ф.* Посттравматический успех: позитивная психология и стратегия, ориентированные на решение, чтобы помочь клиентам выжить и процветать. – СПб.: Диалектика, 2024. – 400 с.
4. *Осборн М.* Если мама – токс... Как освободиться из враждебных отношений. – СПб.: Питер, 2023. – 400 с.
5. *Лихи Р.* Терапия эмоциональных схем. – СПб.: Питер, 2019. – 448 с.
6. *Руденский Е. В.* Методология и теория исследования виктимогенеза личности: монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – 228 с.
7. *Руденский Е. В.* Социальная работа: виктимологическая концепция клинко-социологической парадигмы: монография. – Новосибирск: Изд-во СибПСИ, 2006. – 164 с.
8. *Руденский Е. В.* Дефицитно-компетентностная деформация личности подростка: пропедевтика онтологической виктимизации личности: монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2015. – 112 с.
9. *Руденский Е. В.* Концептуальное введение в культурно-генетическую виктимологию: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. – 186 с.
10. *Руденский Е. В., Руденская Ю. Е.* Дефект социализации личности: введение в социально-генетическую виктимологию: монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012. – 252 с.

11. Руденский Е. В. Социально-психологическая виктимология личности: пропедевтика: монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2015. – 146 с.
12. Руденский Е. В. Субъектная виктимность как культурная патология личности: концептуализация проблемного поля клинической социально-психологической виктимологии: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 136 с.
13. Руденский Е. В. Клиническая социально-психологическая виктимология: теория и практика девиктимизации межличностной патологии отношений // Высшая школа: научные исследования: сборник научных статей межвузовского научного конгресса. – М.: Инфинити, 2024. – С. 24–31.
14. Рунперт Ф. Кто Я в травмированном обществе? Как динамика «жертва-агрессия» определяет нашу жизнь и как выйти из этой динамики. – СПб.: ИСТОК-С, 2021. – 216 с.
15. Шидлер Дж. Личностные синдромы. – М.: Корвет, 2023. – 82 с.
16. Эльячефф К., Суле-Ларивьер Д. Время жертв. – М.: ИОИ, 2022. – 256 с.
17. Янг Дж., Клоско Д., Вайсхаар М. Схема-терапия: практическое руководство. – СПб.: Диалектика, 2000. – 414 с.

Информация об авторе

Евгений Владимирович Руденский, почетный академик международной академии образования, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, режиссер-терапевт виктимодрама-социатрии, профессор социальной психологии и клинической социологии, действительный член академии педагогических и социальных наук, действительный член международной академии образования, действительный член международной академии социальной работы, действительный член международной академии социального прогнозирования, действительный член международной академии психологических наук, член-корреспондент международной академии наук высшей школы, президент-научный руководитель научно-исследовательской ассоциации «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», Новосибирск, rudenskiy@rambler.ru

Поступила: 05.12.2025

Одобрена после рецензирования: 11.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 1

Научная статья
УДК 316.6+159.97

Клинико-виктимологическая дифференциация концепции психодрамы Дж. Л. Морено и концепции виктимодрамы Е. В. Руденского

С. В. Илларионов^{1, 2, 3}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

³ Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири», Новосибирск

Аннотация. Актуальность выбранной темы обусловлена противоречием, которое сформировалось в практике психологической работы между уровнем теоретической обоснованности развития как драматического процесса, согласно идее Л. С. Выготского, и практической результативностью профессионально-психологической деятельности, опирающейся на теоретический, не всегда внутренне согласованный эклектизм.

Это противоречие связано с недооценкой и недостатком понимания многими современными психологами и социальными педагогами процесса развития как драматического процесса, что приводит ко все более частому и устойчивому существованию (экзистенция функциональной аномалии) аномалии психосоциального и культурного развития детей и подростков, это с одной стороны. С другой – возникла аномалия теоретического знания, ведущая к смешиванию драматической теории психотерапии (Дж. Л. Морено) и драматической теории культурного развития как функционально-генетической терапии (Е. В. Руденский), а также теоретическая, а вследствие этого и практическая путаница драматерапии и театротерапии. И все это связано, прежде всего, с тем, что виктимодраму Е. В. Руденского интерпретируют как частный случай психодрамы Дж. Л. Морено, что приводит к утрате возможностей, которые представляет виктимодрама-концепция социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского для современной социально-психологической теории и социально-психологической практики.

Статья раскрывает дифференцирующие основания психодрамы Дж. Л. Морено и виктимодрамы Е. В. Руденского – акциональных (действенных) методов и подходов через сопоставление психологических характеристик концепта «драма».

Ключевые слова: борьба; виктимодрама; виктимодрама-социатрия; виктимодрама-терапия; девиктимизация; действие; драма; конфликт; обучение; переживание; психодрама; развитие; роль; сознание; социатрия; социодрама

Для цитирования: Илларионов С. В. Клинико-виктимологическая дифференциация концепции психодрамы Дж. Л. Морено и концепции виктимодрамы Е. В. Руденского // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 1. – С. 18–34.

Сложившаяся проблемная ситуация аномалии психосоциального и культурного развития детей и подростков связана с тем, что в плане теоретической подготовки психологов и социальных педагогов отсутствует понимание развития как драматического процесса, которое изложено в работах Л. С. Выготского, который вынашивал идею создания «психологии развития в терминах драмы».

Л. С. Выготский, по всей вероятности, не был знаком с тем, что на уровне синтеза социальной психологии и психоанализа социальным психологом и психотерапевтом Дж. Л. Морено велись работы по созданию драматической психологии психотерапии невроза.

Драматическая психология психотерапии Дж. Л. Морено дала мощный импульс развития терапевтической социальной психологии, более известной как групповая терапия.

С 1970 года идеи драматической психологии развития Л. С. Выготского в своих работах начал развивать советский и российский социальный психолог, социальный педагог, режиссер-педагог, режиссер драматического театра и режиссер массовых праздников и театрализованных представлений Евгений Владимирович Руденский.

Получив фундаментальное театральное-педагогическое образование (режиссерско-театральное отделение Кемеровского государственного института, ассистентура и аспирантура режиссерско-балетмейстерского факультета Ленинградского государственного института культуры имени Н. К. Крупской) и уникальное социально-психологическое образование (докторантура Академии общественных наук ЦК КПСС по специальности 13.00.05. «Социальная психология, социология и психология личности»), активно практиковавший как преподаватель режиссуры и актерского мастерства (профессор, заведующий кафедрой режиссуры массовых праздников и театрализованных представлений КемГИК), рассматривающий научно-исследовательскую работу как смысл и образ жизни, Е. В. Руденский пришел к пониманию социально-ролевых дисфункций человека (и прежде всего подросткового возраста) как следствия культурно-реляционной виктимизации, возникающей на основе аномалий культурного развития. Когда драма развития трансформируется в трагедию личности (Э. Эриксон) – виктимогенез личности как трехфазовый деструктивно-деформирующий психическую организацию личности: первая фаза – культурный виктимогенез; вторая фаза – экзистенциальный виктимогенез; третья фаза – диссоциативный виктимогенез.

Но целью Е. В. Руденского было не открытие виктимодрамагенеза личности, определившей ее социально-функциональную дисфункциональность (виктимная личность), а разработка социальной психологии девиктимизации личности и восстановление ее адаптивного функционирования.

Но была проблема в связывании драматической концепции развития Л. С. Выготского, театрально-педагогической концепции К. С. Станиславского, общетеоретической концепции деятельности А. Н. Леонтьева, театроведческой и литературоведческой концепций драмы, а также понимания терапии с позиции медицинского редукционизма, что исключало толкование терапии как реабилитации поврежденных, утраченных и не развитых функций психики, а значит и психологических механизмов ее функционирования.

Разрешение этой проблемы началось после постижения концептуальных идей П. Жане, рассматривающих действие как механизм проявления психического. Это стало методологическим ключом к построению виктимодрама-концепции социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского как уникальной теории, дающей основание для понимания единства и взаимосвязи драма-генезиса личности и драма-экзистенции личности, связующим звеном которого является культурное развитие, а нарушение которого приводит к уникальному типу развития – виктимности. Так сформировался важнейший концептуально-теоретический подход – функционально-генетический подход в понимании социальных и психологических дисфункций личности. И все это заложило основание социально-психологической теории драмы, ставшей в синтезе с теорией культурного развития Л. С. Выготского фундаментальным основанием виктимодрама-концепции социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского.

В дальнейшей своей теоретической и консультативно-терапевтической работе Е. В. Руденский, опираясь на работы Дж. Л. Морено, Э. Эриксона, К. Берка, работы по транзактному анализу реализовал идею Л. С. Выготского и определил вектор будущей драматической психологии развития. Когда сегодня Е. В. Руденский представляет виктимодрама-терапию, то профессиональное сообщество, не владея пониманием различия между психодрамой и виктимодрамой, нивелирует концепцию Е. В. Руденского до отождествления ее с концепцией Дж. Л. Морено. Чтобы устранить это противоречие, я поставил перед собой задачу произвести дифференциацию концепции психодрамы Дж. Л. Морено и концепции виктимодрамы Е. В. Руденского через их раскрытие на основе концепта «драма».

Концепты «драма» в психодраме Дж. Л. Морено и виктимодраме Е. В. Руденского имеют свои уникальные психологические характеристики, однако обе они фокусируются на использовании драматических законов развития и функционирования для исследования человеческой психологии и межличностных отношений.

Психодрама Дж. Л. Морено базируется на ролевом подходе. Роль становится у Дж. Л. Морено базовой единицей его концептуальной системы психодрамы. Используется ролевая игра и представление ситуаций для анализа внутренних конфликтов. Акцент делается на создании безопасного и поддерживающего социально-психологического пространства, где социальный актер может выразить свои эмоции и переживания.

Ролевая концепция Дж. Л. Морено была основополагающей для развития социометрии и психодрамы. Дж. Л. Морено вводил понятие роли как ключевого элемента человеческого поведения и межличностных взаимодействий. Он считал, что каждая роль, выполняемая человеком в обществе, оказывает влияние на его психологическое состояние и социальные отношения.

Работы Г. Лейтц, развивающие идеи Дж. Л. Морено, подчеркивают важность ролевой динамики в различных социальных контекстах. Г. Лейтц исследует, как роли формируются, изменяются и влияют на взаимодействие между людьми. Она также акцентирует внимание на том, как осознание своих ролей и ролей окружающих может способствовать улучшению коммуникации и разрешению конфликтов.

Пять основных идей концепции:

1. Роль: каждый человек как социальный актор играет разные роли в зависимости от контекста (семья, работа, общество).

Определения роли, предлагаемые Дж. Л. Морено, таковы:

- некоторый обобщенный характер или некоторая функция, существующая в социальной реальности;
- актуальная на данный момент осязаемая форма, которую принимает наша самость;
- окончательная кристаллизация жизненных ситуаций человека, т. е. специфической области оперирования, которую человек освоил;
- это единица консервированного поведения;
- это единица синтетического опыта, куда вкраплены частные, социальные и культурные элементы;
- это форма функционирования, которую принимает индивид в определенный момент, реагируя на определенную ситуацию, в которую вовлечены другие лица или объекты.

В связи с этим, несправедливой представляется часто высказываемая точка зрения, что, согласно Дж. Л. Морено, человек в каждый момент жизни играет роль, подобно актеру. Во всяком случае, речь идет о своеобразно понятом актере как возможном творце – авторе и режиссере собственной роли [2].

2. Социометрия – метод, позволяющий визуализировать и анализировать взаимоотношения между членами группы на основе их социальных ролей.

Социометрия – наука о мере (соразмерности) социальных отношений и об их измерении, а также практика таких измерений. Социометрия занимается внутренней структурой общественных групп, которую можно сравнить со строением атома или структурой биологической клетки. Она изучает сложные образования, возникающие из сил притяжения и отталкивания между отдельными людьми определенной группы. При этом наблюдаемые люди становятся участниками проекта, они действуют, познавая себя и других.

Понятие «социометрия» используется Дж. Л. Морено в двух взаимосвязанных, но различных планах (в чем сказывается осознанная концептуальная нестрогость Дж. Л. Морено). С одной стороны, социометрия представляет собой измерение социальных отношений, с другой, в широком смысле – любых социальных отношений.

Социометрия имеет три аспекта: *socius* – окружающие люди, *metrum* – измерение и *drama* – действие. В результате появились три сферы исследования: исследование групп, метрическое исследование и исследование действия [6].

3. *Психодрама* – терапевтический метод, в котором участники разыгрывают свои роли, чтобы исследовать эмоциональные конфликты и межличностные динамики. Это метод психотерапии, который использует метод театрализации для исследования эмоциональных конфликтов и социальных взаимодействий.

Принципы психодрамы:

- импровизация: участники выступают в роли своих персонажей, что способствует процессу самовыражения и взаимодействия;

- эмоциональное переживание: акцент на выражение и осознание эмоций через представление ситуации в безопасном пространстве;

- ролевая игра: участники могут играть как свои роли, так и роли других людей, что способствует пониманию различных точек зрения.

4. *Динамика ролей*: роли могут изменяться в зависимости от ситуации, и понимание этих изменений помогает определить, как люди взаимодействуют друг с другом.

5. *Самоосознание*: осознание своих ролей и ролей других людей может привести к личностному росту и улучшению социальных взаимодействий.

Важнейшей особенностью метода психодрамы Дж. Л. Морено является фокус на взаимодействии. Открытость и создание в группе пространства для взаимодействия между социальными акторами. Важность роли группы как поддерживающего элемента, который позволяет исследовать личные проблемы через взаимодействие.

Дж. Л. Морено разработал концепцию взаимодействия, которая акцентирует внимание на межличностных отношениях и динамике групповых процессов. Основные идеи Дж. Л. Морено о взаимодействии можно обобщить следующим образом:

1. Дж. Л. Морено ввел понятие социометрии, чтобы изучать и визуализировать отношения между членами группы. Социометрия позволяет выявить, какие связи существуют между участниками и как они влияют на группу в целом.

2. Дж. Л. Морено считал, что взаимодействие между людьми можно изучать через игру. Он разработал психодраму как метод терапии, где участники играли различные роли, что позволяло им исследовать свои чувства и переживания в безопасной обстановке.

3. Взаимодействие в группе часто зависит от ролей, которые играют ее члены. Дж. Л. Морено подчеркивал, что понимание этих ролей помогает глубже осознать динамику группы и способы, которыми участники влияют друг на друга.

4. Дж. Л. Морено исследовал, как взаимодействие между людьми формирует группу в целом. Он утверждал, что счастье и эффективность группы зависят от здоровых взаимодействий и установления отношений доверия между участниками.

Основные идеи Дж. Л. Морено о взаимодействии предлагают ключевые инструменты для анализа и улучшения межличностных отношений как в те-

рапевтическом контексте, так и в социальных группах. Использование социометрии и психодрамы дает возможность глубже понять динамику групповых процессов и способствует личностному росту.

Психодрама, разработанная Дж. Л. Морено, является методом психотерапии, который акцентирует внимание на использовании драмы как метода анализа личностных конфликтов и эмоциональных проблем. Концепт драмы в психодраме Дж. Л. Морено имеет множество психологических характеристик, и его понимание основано на нескольких теоретических положениях.

Психологические характеристики концепта «драма»:

1. *Идентификация и проекция*: участники психодрамы могут идентифицироваться с ролями, которые они играют, что позволяет им глубже понять свои собственные чувства и переживания. Проекция их эмоций на сцену может помочь в осмыслении внутренних конфликтов.

2. *Репетиция социального поведения*: драма позволяет участникам эксплорацию альтернативных реакций и поведения в безопасной обстановке. Это способствует развитию навыков, необходимых для решения реальных жизненных проблем.

3. *Катарсис*: психодрама предлагает возможность переживания катарсиса через эмоции и действия. Участники могут освободиться от подавленных чувств, что способствует исцелению и внутреннему освобождению.

4. *Социальное взаимодействие*: психодрама подчеркивает значимость группового взаимодействия. Участие других людей в процессе помогает получить обратную связь, а также построить новые связи и поддерживающие отношения.

5. *Символизм и метафора*: драматические элементы, такие как символические предметы и метафоры, позволяют участникам глубже проанализировать свои внутренние переживания и конфликты.

Теоретическими основаниями и основными положениями психодрамы Дж. Л. Морено являются:

1. Социодрама: основополагающей концепцией является социодрама – взаимодействие человека с социальной средой. Дж. Л. Морено утверждал, что индивидуальные проблемы часто имеют социальные корни и их можно исследовать через групповые процессы.

2. Теория ролей: Дж. Л. Морено использовал концепции театра и игр в психодраме, что позволяет участникам «разыгрывать» ситуации и конфликты, создавая тем самым возможность для новых решений и понимания.

3. Экзистенциальный подход: психодрама признает значимость субъективного опыта каждого человека, что соответствует экзистенциальным направлениям в психологии, ставя акцент на личной ответственности и свободе выбора.

4. Клиническая практика: психодрама основана на эмпирических наблюдениях и клиническом опыте, что помогает обновлять и адаптировать теорию в соответствии с современными потребностями клиентов.

Концепт «драма» в психодраме Дж. Л. Морено является многогранным и включает в себя различные психологические характеристики и теорети-

ческие основы. Данный подход позволяет людям не только анализировать свои внутренние конфликты, но и находить новые пути решения проблем, улучшая качество своей жизни благодаря групповому взаимодействию и экспериментам в безопасной обстановке.

Основные идеи Дж. Л. Морено изложены в работах «Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе» (1951 г.) и втором томе «Психодрамы» (1959 г.). Научно-методологические взгляды Дж. Л. Морено показывают его способность сочетать разные подходы и методологии в психологии, подчеркивая важность как страстного исследования человеческой природы, так и соблюдения научных стандартов в методологии.

Теоретико-психологические взгляды Дж. Л. Морено в основном относятся к психологии личности и социальной психологии. Дж. Л. Морено считал себя создателем особой теории личности. Проблемы патологии личности в связи с ролевыми представлениями рассматриваются в рамках его теории ролей как следствие: а) особенностей ролевого развития; б) специфики ролевого репертуара; в) характера взаимоотношений между ролями. Нормальное ролевое развитие предполагает последовательное продвижение от соматических ролей к трансцендентным; один из критериев здоровья зрелой личности – способность действовать одновременно на соматическом, психическом, социальном и трансцендентном ролевых уровнях. Соответственно, нарушения ролевого развития проявляются в: а) «выпадении» определенного промежуточного ролевого уровня; б) застое ролевого развития; в) частичной или полной ролевой регрессии. Поскольку, по Дж. Л. Морено, личность образуется ролями (самость возникает из ролей, а не наоборот), первый вариант означает пробелы в определенных личностных сферах. Застой ролевого развития соответствует различной степени психического недоразвития или задержек развития [2].

Патология личности – это одна из важнейших тем в психологии и психиатрии, и работы отдельных авторов, таких как Г. Лейтц, могут внести свой вклад в понимание этой области. Г. Лейтц, как правило, исследует динамику личности и различные аспекты, связанные с отклонениями в характеристиках и поведении.

Основные аспекты патологии личности по Г. Лейтц:

1. Определение патологии личности: Г. Лейтц акцентирует внимание на том, что патология личности проявляется в устойчивых и аномальных паттернах мышления, восприятия, эмоционального реагирования и взаимодействия с окружающими.

2. Классификация: в работах упоминаются различные классификации расстройств личности, включая традиционные подходы, основанные на DSM и ICD, а также альтернативные модели.

3. Этиология: Г. Лейтц анализирует, как генетические, средовые и культурные факторы влияют на развитие патологии личности.

4. Диагностика и лечение: разработка диагностических алгоритмов и терапевтических подходов, включая психотерапию и медикаментозное лечение. Г. Лейтц подчеркивает важность индивидуального подхода к каждому пациенту.

5. Исследование социальных факторов: упор на то, как межличностные отношения и социальные условия могут способствовать или препятствовать развитию патологии [5].

В связи с ролевым развитием в целом и в психодраматической ситуации Дж. Л. Морено обсуждает процессы ролевого обучения, которые в связи с представлением о роли как интерперсональном опыте выступают как формы социального развития. К этим процессам относятся восприятие или распознавание роли; ролевая игра, имитация; принятие роли.

С особенностями ролевого развития связана специфика ролевого репертуара. Центральным здесь выступает понятие ролевого дефицита, который может быть понят либо как отсутствие того или иного уровня ролей (при том, что возрастная норма их предусматривает), либо как недостаточность ролевого репертуара внутри какого-либо уровня, либо недостаточная освоенность какой-либо роли.

Спонтанность определяется у Дж. Л. Морено как «адекватная реакция на новые условия или новая реакция на старые», т. е. как некий конкретный акт, обладающий определенными характеристиками. В то же время Дж. Л. Морено и его последователи указывают, что спонтанность может быть и неадекватной, в частности, деструктивной (что противоречит предыдущему определению), т. е. , по сути, речь идет о самопроизвольности как таковой. Спонтанность, по Дж. Л. Морено, не накапливается и не сохраняется, она появляется, чтобы быть потраченной «здесь и сейчас», уступив место следующим проявлениям. Спонтанность может находить себе выход либо подавляться. Последнее означает оскудение индивидуального бытия и обеднение личности («невроз креативности»); вместе с тем высвобождение спонтанности может приводить как к творчеству, так и к деструктивной активности. Высвобождению и контролю спонтанности можно научиться с помощью психодраматических техник.

Спонтанность – катализатор креативности (понимаемой как действенное творческое отношение к бытию в различных его ипостасях). Творческий процесс воплощается в появлении того или иного материального или идеального продукта (в том числе роли – см. выше), который может обретать длительно сохраняющуюся форму, т. е. консервироваться [2].

Следующее важное понятие – понятие *действия*. Так же как спонтанность и креативность, действие – феномен космический; оно признак материи в целом и живой материи в частности. Как способ человеческого поведения действие старше речевого общения. Человек, по Дж. Л. Морено, постоянно испытывает акциональный голод, заставляющий его искать ситуации возможного самовыражения; этот акциональный голод, выступая и как космический феномен, и как индивидуальная потребность, является предпосылкой нормального ролевого развития, заставляя человека принимать роли, исполнять роли и создавать новые. Вместе с тем акциональный голод может быть чрезмерен или, напротив, редуцирован, что препятствует креативному ролевому развитию. В этом плане психодрама оказывается акциональным

методом – методом действенного проигрывания событий, не ограничиваясь, как многие другие, рациональной проработкой материала. Действие является центральным понятием в психодраме Дж. Л. Морено. Он считал, что через действие люди могут лучше понимать свои внутренние переживания и отношения с другими.

Важные аспекты действия в работах Дж. Л. Морено включают:

- импровизацию: участники могут воссоздавать реальные или фантазийные ситуации, что позволяет им исследовать свои чувства и действия в безопасной обстановке;

- ролевое взаимодействие: люди могут принимать на себя разные роли, что помогает им понять точки зрения других и повысить эмпатию;

- выражение эмоций: действие служит каналом для выражения подавленных эмоций и переживаний, что способствует их проработке и ухудшению конфликта.

К еще одним концептуальным характеристикам основных инструментов психодрамы относят *конфликт*. В контексте работ Дж. Л. Морено конфликт рассматривается как неизбежная часть человеческих взаимодействий. Он подчеркивает, что конфликты могут возникать в результате различных факторов:

- различные потребности и желания: люди часто имеют противоположные взгляды и цели;

- социальные роли: обязанности и роли, которые люди играют в обществе, могут вызывать трения;

- необходимость выражения эмоций: подавленные чувства и эмоции могут привести к конфликтным ситуациям.

Дж. Л. Морено считал, что понимание конфликта и его динамики важно для улучшения отношений между людьми. В рамках психодрамы он использовал методы, позволяющие участникам пережить и выразить свои конфликты, тем самым способствуя их разрешению.

Таким образом, к несомненным достоинствам использования психодрамы Дж. Л. Морено можно отнести активное проживание эмоций через действие, что позволяет получить глубокое самопонимание и эмоциональное освобождение. Метод способствует расширению поведенческого репертуара, улучшению коммуникативных навыков и развитию эмпатии благодаря безопасному социально-психологическому пространству и обмену ролями. Также важным преимуществом является использование групповой динамики для мобилизации внутренних ресурсов и возможность увидеть ситуацию со стороны, что помогает найти новые решения. Однако вместе с тем, проявляются и ряд проблем использования данного метода:

1. Игнорирование самых передовых достижений социологической социальной психологии. Использование психодрамы необходимо обогащать знаниями современной социальной психологии. Прежде всего расширить понимание роли. Существующее традиционное антрополого-философское понимание затруднительно для практического применения.

2. Слепое копирование методологии психодрамы Дж. Л. Морено в нашей стране приводит к очень занимательному времяпрепровождению на различных тренингах и семинарах современных психологов. Наметился культурно-досуговый подход в психологии, при котором никаких реальных изменений по итогам «терапии» не происходит.

3. Недооценка и недопонимание драматической психологии, которое заключается в том, что в современной российской психологии утеряно понимание психологии действия. Этому способствовало внедрение позитивной психологии.

Позитивная психология была внедрена в 1998 году Мартином Селигманом, который на посту президента Американской психологической ассоциации предложил переключить внимание психологов с патологий на изучение счастья и благополучия. Распространение идей позитивной психологии очень хорошо финансировалось как государственными, так и частными учреждениями, формируя образ жизни, влияя на эмоции, чувства и установки множества людей. В результате успешного внедрения этого направления повальное увлечение позитивной психологией быстро привело к появлению феномена токсичного позитива – явление, известное как чрезмерный позитив или позитивная токсичность, является дисфункциональным эмоциональным управлением без полного признания негативных эмоций, особенно гнева и грусти, в социальном плане это игнорирование негативных эмоций другого человека путем предложения вместо них позитивной эмоции. Неотъемлемая проблема этой концепции заключается в том, что мы предполагаем, что если человек не в позитивном настроении (или как, по нашему мнению, позитивный человек должен выглядеть или вести себя), то он каким-то образом неправ, плох или неадекватен. Проблема в том, что, когда мы обесцениваем чье-то эмоциональное состояние или, в данном случае, когда мы говорим кому-то, что чувствовать грусть, злость или любую эмоцию, которую мы считаем «негативной», плохо – мы в конечном итоге вызываем у него вторичные эмоции, такие как стыд, вина и смущение. Тирания позитивного мышления отторгает критическое мышление, назначая его негативным. Подавление негативных эмоций и даже их переформулирование в позитивном ключе способствует оправданию скрытых социальных иерархий и поддержке определенных идеологий, а также лишает право на существование и искажает страдания. Негативные эмоции оказываются в зоне отчуждения, стигматизируются, что чревато культивированием безразличия и непонимания к тем, кто действительно страдает. Негативным следствием внедрения позитивной психологии стало возникновение множества психологических и соматических проблем существенной части общества [3].

Использование всевозможных популярных, «попсовых» методик либо вообще не приносят стабильных, долгосрочных результатов, как в случае с песочной и другими видами арт-терапии, либо могут принести серьезный вред, выполняя функцию перевода внешних конфликтов во внутренние, как в случае медиации и примирения – активно навязываемого направления в сфере школь-

ного образования. Межличностный конфликт как межличностная патология отношений становится конфликтом сознания. Это приводит к пассивному состоянию вследствие потери мотивации [1].

Различие между психодрамой Дж. Л. Морено и виктимодрамой Е. В. Руденского заключается в теоретико-концептуальных основаниях. Е. В. Руденский за основу берет концепцию драмы развития Л. С. Выготского, изложенную в основном законе культурного развития, опирается на теоретический опыт театральной педагогики и драматическую концепцию личности А. Н. Леонтьева. Поэтому если у Дж. Л. Морено на первом месте стоит достижение катарсиса в ролевом действии, то у Е. В. Руденского на первом месте стоит запуск трансформационной динамики сознания за счет реабилитации субъективного механизма переживания. В переживании на первое место выделяется *ментализация*. Переживание включает три взаимосвязанных процесса: когнитивный – запускается если есть впечатление. Второй процесс эмоциональный. Он зависит от когнитивного, потому что эмоции – это оценка собственных мыслей. Далее эти два процесса должны запустить третий процесс – конативный (организация конативного процесса с подключением человека к драматической роли). Это волевая организация действия. Поэтому переживание существует в действии, до действия и после действия. Виктимодрама – это переживание после действия. Е. В. Руденский в своих работах опирается на работы П. Жане, где психика понимается как система действий. Психика воплощается в роли, когда создается определенная комбинация действий. В отличие от Дж. Л. Морено, у Е. В. Руденского драма синтезирует межличностное ролевое действие с ментализацией.

Ментализация и ролевой подход в психодраме, предложенный одним из наиболее ярких представителей немецкой школы психодрамы Райнхардом Крюгером, представляют собой важные аспекты этой терапевтической методологии. Ментализация – это способность понимать и интерпретировать собственные и чужие чувства, мысли и намерения. Это ключевой аспект психодраматической работы, так как он помогает участникам:

- развивать эмпатию: понимание эмоций других людей позволяет лучше работать в группе и строить модули диалога;
- исследовать внутренний мир: ментализация помогает участникам осознать свои внутренние конфликты и переживания, что способствует глубинной работе над собой;
- улучшать навыки коммуникации: умение читать эмоции других людей ведет к более эффективным взаимодействиям в реальной жизни.

Ролевой подход в психодраме Р. Крюгера включает в себя использование ролевых игр и воспроизведение различных сценариев, что позволяет участникам:

- испытывать различные роли: это может быть как познание своих эмоций, так и работа с персонажами, которые могут отражать часть их личного опыта;
- исследовать альтернативные решения: проигрывание различных сценариев дает возможность увидеть разные пути разрешения конфликтов и проблем;

– ставить себя на место других: это помогает развивать ментализацию, так как участники учатся понимать мотивы и чувства других людей [4].

Комбинирование ментализации и ролевого подхода в психодраме Райнхарда Крюгера является мощным терапевтическим инструментом для работы с различного рода проблемами нарушенного развития. Поэтому подход Е. В. Руденского представляет собой синтез ролевого и когнитивного подходов.

У Дж. Л. Морено основной подход направлен на конструирование роли как социально-функционального и спонтанного функционирования личности, а патологию роли Дж. Л. Морено рассматривал как паралич спонтанности. Основным источником, парализующим спонтанность, креативность человека, вызывающим патологию ролей являются деструктивные эмоции.

Е. В. Руденский использует термин *дисфункциональная роль*, а не ролевая патология. Источником возникновения дисфункций является *патология межличностных отношений*. Если психодрама Дж. Л. Морено ставит акцент на физическое выражение эмоций и дистрессов, что способствует катарсису, то у Е. В. Руденского запуску, поврежденного травмой, *механизма субъективного переживания*. Подход Дж. Л. Морено можно охарактеризовать как эмоциогенный, у Е. В. Руденского – как социогенный.

Концепт «виктимодрама» является социально-психологическим конструктом, характеризующим сущность трактовки авторского подхода Е. В. Руденского к пониманию природы и механизма зарождения, формирования и развития виктимности – виктимодрама-генетики.

Исцеление от виктимности также рассматривается как виктимодрама – виктимодрама-терапия или социатрия, понимаемая как исцеление, оздоровление отношений.

Виктимодрама у Е. В. Руденского рассматривается как культурно-генетический механизм виктимизации и как культурно-терапевтический механизм девиктимизации. Разница заключается в том, что в генетическом механизме виктимодрамы Е. В. Руденский рассматривает в качестве источника социально-функциональные конфликты (которые возникают в социальной жизни в процессе функционирования человека). Виктимодрама всегда возникает как следствие какой-либо дисфункциональности в культуре отношений.

Когда мы рассматриваем виктимодраму как терапию, то в этом случае *конфликт* конструируется на основе авторских драматических произведений. Виктимодраматерапия Е. В. Руденского позволяет как бы «удвоить» свое состояние. Остаться самим собой и прожить жизнь другого через принятие драматической роли. Поэтому разделяется понятие *социальная роль* – это та, которую человек играет в жизни, и драматическая, которую играют на сессии виктимодрама-терапии. Когда возникает «удвоенное» состояние, через механизм ментализации запускается механизм переживания и через это переживание включается трансформация сознания. Поскольку, проиграв какую-то роль, человек увидел себя в совершенно других отношениях, увидел свои функции в другом виде. Он начинает осмыслять, что можно взять из драма-

тической роли для своего социального, как бы обучаясь в действии. Роль понимается как социально-психологический механизм самовоплощения. Если у Дж. Л. Морено – ролевое обучение, то у Е. В. Руденского – развитие психики через драму. Наука развития психики через действие у Е. В. Руденского – *психагогика*. Девиктимизация идет за счет восстановления механизма переживания. Если переживание является динамическим механизмом сознания, то конфликт является динамическим механизмом драмы. Потому что конфликт разрешается через действие и конфликт существует в действии.

Виктимодрама как концептуальное выражение драматической природы виктимизирующих межличностных отношений представляет собой системную психологическую конструкцию понимания виктимности и механизма ее формирования – виктимизации, стержнем которой является теоретическая концепция действия, которое одновременно рассматривается и как гносеологический инструмент виктимодиагностики, и как терапевтический и дидактический инструмент виктимодрама-терапии, т. к. суть самого понятия «драма» – это действие по разрешению конфликта отношений в борьбе и через борьбу [8].

Межличностная социально-психологическая борьба как система действий-психологических ударов и система действий-психологических защит синтезируется в мета-систему виктимизирующих межличностных отношений благодаря своему предмету. Предметом межличностной социально-психологической борьбы являются когниции, конации и эмоции [7]. *Социально-психологическое драматическое действие* имеет следующие психологические характеристики: диалогичность, конфронтационность, эмоциональную деструктивность, травматичность, токсичность, высокий уровень ингибции Я-концепции.

Одновременно концепт «виктимодрама» позиционируется как социально-психологический конструкт, раскрывающий сущность инновационного направления социально-диагностической практики исследования виктимогенеза личности и социально-терапевтической практики девиктимизации субъектных отношений (к самому себе) и девиктимизации межличностных отношений. Это виктимодрама-социатрия девиктимизации.

Культурно-психологический механизм виктимодрама-социатрии функционирует в режимах:

- работы над социальной ролью (режим виктимодрама-роллплеинг-социатрии);
- работы над собой как социальным актором (режим виктимодрама-дидакто-социатрии);
- работы над действием в отношениях в диаде и триаде (режим виктимодрама-гейминг-социатрии).

Все три режима функционирования виктимодрама-социатрии основываются на механизме социально-психологической борьбы как социально-психологическом механизме социально-драматургического действия и социально-психологическом механизме социально-драматургического взаимодействия.

Социально-психологическая борьба в то же время является социально-психологическим механизмом динамики конфликта (травматического конфликта) межличностных отношений и инструментом культивирования виктимности сознания социального актора.

Социально-психологическая борьба рассматривается в теории театра и театральной педагогики как предмет режиссуры, а режиссура – как практическая психология организации действий социально-психологической борьбы социальных акторов согласно культурному сценарию драматургии:

- тип социально-психологической борьбы как инструмента культивирования виктимности виктима – жертвы этой борьбы;
- тип социально-психологической борьбы как инструмента социальной терапии динамического механизма самосознания виктима – субъективного переживания, функциональное состояние которого свидетельствует о факте виктимизации или девиктимизации.

Социально-психологическая борьба как инструмент культивирования использует *социально-драматическое действие*, а социально-психологическая борьба как инструмент виктимодрама-социатрии организуется использованием социально-драматургического действия [9].

Социально-драматургическое действие как социально-терапевтический инструмент виктимодрама-социатрии является триггером трансформационно-интегративного механизма субъективного переживания, который подвергся структурной диссоциации в процессе виктимогенеза.

Социально-драматургическое действие в социально-психологическом механизме борьбы является основным терапевтическим инструментом виктимодрама-социатрии как интегрированной системы социальной терапии, реляционно-культурной терапии, социально-игровой терапии, действенно-аналитической терапии виктимизирующих межличностных отношений в дисфункционально-девиантных социальных системах и инструментом девиктимизации, посредством которого осуществляется излечение виктимизирующих межличностных отношений дисфункционально-девиантных социальных систем. Этим характеризуя социально-драматургическое действие как терапевтический инструмент виктимодрама-терапии [9].

Столкновение, открытый или скрытый конфликт есть суть драмы, ее основная структурная единица. Культурное развитие реализуется в двух планах сцены судьбы – сначала в социальном плане как драматическое столкновение двух людей, как коллизия, как конфликт, противоречие, требующее разрешения и сопровождающееся эмоциональными личными переживаниями драматического межличностного конфликта.

Драматический межличностный конфликт запускает столкновение позиций внутри личности как событие драмы развития, как конфликт, переживаемый человеком, как факт собственной судьбы. Переживание разворачивает в сознании человека драматические столкновения заново: переживание – динамическая единица сознания, трансформирующая его как конструктивно, так и деструктивно.

В акте переживания драматическое столкновение переплавляется и выливается в изменение структуры личности, становясь актом развития. Переживание в драме развития как динамическая единица сознания является механизмом формирования субъектного отношения и субъектной регуляции.

В определении «виктимодрама», концепт «драма» – это тип и форма социальных отношений и социального взаимодействия, основанных на межличностном конфликте социально-психологической борьбы, а концепт «виктим» указывает на результативность таких отношений, приводящих в действие социально-психологический механизм виктимизации.

Виктимодрама – психологическая конструкция концепта, характеризующего социально-психологический драматизм виктимизации (развития виктимности) как культивирования виктимности, который является триггером психологического механизма аномального культурного развития – виктимогенеза. Виктимодрама характеризует взаимосвязь виктимайзинга и виктимогенеза и взаимосвязь травма-драматического и драма-травматического переживаний.

Виктимодрама – межличностная патология отношений, основанных на конфронтации и конфликте, динамика которой обеспечивается коммуникативными средствами психологической борьбы, с целью культивирования психологических черт личности, согласно культурным сценариям, компенсирующим фрустрации экзистенциальных потребностей лиц, претендующих на роль «значимых других» в этих отношениях.

Ядро виктимодрамы:

- враждебность отношений – драматический конфликт отношений;
- драматические отношения борьбы – динамика драматического конфликта;
- действия борьбы – средства динамики драматического конфликта отношений.

Виктимодрама – социально-деструктивный тип культурно-психологического онтогенеза социального актора, основанный на действиях межличностной борьбы и действиях переживания борьбы как виктимизирующего отношения, в результате чего развиваются субъективные отношения виктимности.

Переживание – когнитивный механизм сознания, перерабатывающий травму-впечатления межличностной травмы.

Психодрама и виктимодрама относятся к классу культурно-акциональной терапии – терапии действием. У Дж. Л. Морено конечная терапевтическая цель катарсис – освобождение от деструктивных эмоций. Сегодня это можно назвать токсичными эмоциями, потому что они отравляют человека. Возникает концепция «токсик я» – самозараженные личности. У Е. В. Руденского задача через организованную систему действий выйти на управление трансформационной динамикой развития сознания человека. Человек может измениться только тогда, когда у него изменяется сознание.

В отличие от Дж. Л. Морено, у Е. В. Руденского пристальное внимание уделяется структуре самого действия. Любое действие начинается с когни-

тивной оценки ситуации (в театральной педагогике – предлагаемые обстоятельства роли). Далее производится оценка собственного потенциала.

Если Дж. Л. Морено выстроил понятие драматерапевт, то Е. В. Руденский вышел на понимание режиссер-терапевт. Главная задача выстроить борьбу, потому что через нее Е. В. Руденский включает человека в переживание, вместе с человеком выстраивая его действие (конативный процесс – действенно-волевая организация самовыражения).

Резюмируя, можно отметить, что подход Е. В. Руденского, в котором виктимодрама рассматривается как генетический механизм виктимизации и как терапевтический механизм девиктимизации, раскрывает нам понимание развития как драматического процесса и вносит весомый вклад в общую психологию, предоставляя психологам различных направлений разработанный теоретический фундамент, психотехническую теорию для выстраивания своей практической работы.

Изменения происходят лишь тогда, когда происходит трансформация сознания человека. Именно поэтому мы предлагаем обратить свое пристальное внимание на методы и подходы, использующие психологию действия, акциональные методы – методы действенного проигрывания событий, к которым относятся психодрама Дж. Л. Морено и виктимодрама Е. В. Руденского.

Таким образом, хотя оба подхода используют элементы драмы и театра в терапии, но фокусируются они на разных аспектах человеческой психологии, и имеют разные функционально-теоретические подходы, виктимодрама-терапия Е. В. Руденского – культурно-генетическая терапия ментальных функций (драма-терапия сознания) и культурно-генетическая терапия межличностных отношений (драма-социатрия), и она содействует развитию человека в работе над собой и в работе над своей социальной ролью.

Список источников

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2019. – 528 с.
2. Гриншпун И. Б. Идеи Джекоба Леви Морено в контексте развития западноевропейской и североамериканской психологии XX столетия. – М.: Изд-во МГППУ, 2021. – 175 с.
3. Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. – М.: АСТ, 2023. – 200 с.
4. Крюгер Р. Лечение психодрамой. Теория и практика. – М.: НФ Класс, 2017. – 720 с.
5. Лейтц Г. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено / пер. А. М. Боковой. – 3-е изд. – М.: Когито-Центр, 2017. – 381 с.
6. Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / пер. с англ. А. М. Боковой. – М.: Академический Проект, 2004. – 315 с.
7. Руденский Е. В. Виктимо-драма межличностных отношений: концептуализация методологии гносеологии социально-психологического механизма виктимизирующих межличностных отношений // Наука. Образование, Инновации: Новые подходы и актуальные исследования: материалы международной научной конференции / под ред. Е. В. Конеевой. – М.: СКИ, 2025. – С. 10–30.

8. Руденский Е. В. Виктимо-драма межличностных отношений: концептуализация и феноменология механизма виктимизирующих межличностных отношений // Мастерство коммуникации: от Сократа до ИИ: сборник материалов всероссийского форума специалистов помогающих профессий с международным участием. – Новосибирск: Манускрипт-СИМ, 2025. – С. 43–54.

9. Руденский Е. В. Режиссер-терапевт виктимодрама-социатрии: интеграция социально-психологической, психоаналитической, театрально-педагогической деятельности клинического виктимолога // Новые парадигмы в науке, образовании и культуре: материалы международной научной конференции / под ред. Е. В. Коневой. – М.: СКИ, 2025. – С. 137–150.

Информация об авторе

Сергей Викторович Илларионов, магистр психологии, магистр психолого-педагогического образования, Новосибирский государственный педагогический университет; старший научный сотрудник, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского; психолог, Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири», Новосибирск

Поступила: 18.12.2025

Одобрена после рецензирования: 25.02.2026

Принята к публикации: 26.03.2026

ДРАМА-ДИДАКТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 1

Научная статья
УДК 316.61+159.922.8

Драма-дидактика как методическое основание культурно-генетической терапии виктимных подростков: генетико-терапевтическая концепция социальной реабилитации

О. О. Сальников^{1, 2, 3}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

³ Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири», Новосибирск

Аннотация. Социально-психологическое пространство современной России и глобальное социально-психологическое пространство обретает черты драматургии виктимогенного риска.

В условиях концентрированной, когнитивной войны происходит деструкция социального поведения и социальных отношений современных российских подростков. На почве этой тенденции рассматривается проблема теоретического и методического упадка современной социальной психологии, не находящей объяснительной теории сложившейся тенденции и метода решения сложившейся ситуации. Тенденции теоретико-концептуального упадка, которой противостоит теоретическая концепция социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского.

В статье на базе социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского (социально-педагогическая виктимология личности, социально-психологическая виктимология личности, клиническая виктимология и др.) предлагается методическая сторона решения данной проблемы – метод драма-дидактики как метод культурно-генетической терапии виктимных подростков. Концепт «виктимный подросток» в современной социально-психологической и социально-педагогической практике часто заменяется и отождествляется с концептом «трудный подросток».

Обозначена концептуальная ошибка в определении концептов «трудный подросток» и «трудная жизненная ситуация», раскрыта стоящая за этой ошибкой каскадная дезорганизация всего механизма социальной реабилитации. Вскрыта виктимодрама (сценарий развития) трудных подростков как стадийная смена социально-психологических пространств. Описана концептуальная система изложенного сценария развития.

Также анализируется концепция социальной реабилитации и актуальное состояние социально-реабилитационных учреждений, производится реконцептуализация

термина «социальная реабилитация» с теоретико-методологической позиции социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского. На этой основе вскрываются проблемы организации социальной реабилитации трудных подростков, описывается ключевая проблематика социальной реабилитации трудных подростков – ауто-дезактивационный синдром.

В заключение производится постановка иной терапевтической мишени современной социальной реабилитации, обосновывается применение метода драма-дидактики в рамках концептуально переориентированной социальной реабилитации, описывается алгоритм ее реализации.

Ключевые слова: виктимизация; виктимность; виктимодрама; дисфункциональность; драма-дидактика; культурный социогенез; социализация; социальная реабилитация; социально-психологическое пространство

Для цитирования: Сальников О. О. Драма-дидактика как методическое основание культурно-генетической терапии виктимных подростков: генетико-терапевтическая концепция социальной реабилитации // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 1. – С. 35–43.

Сразу стоит оговориться – данная статья является дополненной и расширенной версией статьи, опубликованной в сборнике материалов всероссийского конгресса помогающих профессий с международным участием «Секреты профессионализма» и всероссийского форума «Кризис современной психологии», ее содержание было урезано и некоторые релевантные вопросы остались не освещены в силу регламента издания. В рамках журнала «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)» столь строгой регламентации по максимальному объему публикации не предусмотрено, в связи с чем статья публикуется в расширенном виде с дополнительными библиографическими ссылками, комментариями и концептуальными уточнениями.

Современное российское социально-психологическое пространство (пространство отношений) представляет собой общество драматургии виктимогенного риска, характеризующегося кризисами межличностных отношений – в связи с текущей внешнеполитической, внутривнутриполитической, экономической, социально-психологической обстановкой, которую вкратце можно описать концептами «консциентальная война», «когнитивная война», растет количество и качество требований к акциональному (действенному) и компетентностному потенциалам каждого человека. Особо уязвимыми к критическим ситуациям (ситуациям невозможности своими действиями решить возникшую проблему) выступают подростки и пожилые люди.

Выражаясь с позиций радикального виктимизма как философской основы социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского, служащей для нас теоретико-методологическим и праксиологическим базисом [22], современное российское социально-психологическое пространство является собой виктимодраматическое пространство – пространство отношений, основой функционирования которого выступает онтогенетический риск (понятие, выработанное одним из сотрудников НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского») как триггер драмы развития личности.

Драма развития личности приобретает множественные сценарные формы. Одним из таких сценариев выступает сценарий развития «трудных подростков» – подростков, имеющих проблемы с законом (делинквентное, преступное поведение), сбегаящих из дома (синдром бродяжничества в социально-психологическом смысле этого слова), проживающих с родителями-наркоманами, родителями-алкоголиками и прочие жизненные ситуации, которые в рамках работы социальных учреждений нашей страны характеризуются как трудные жизненные ситуации.

Пользуясь терминологическим аппаратом Л. С. Выготского [1], можно считать прилагательное «трудный» описательной характеристикой социальной ситуации развития. Выбор именно такой описательной характеристики имеет свою собственную проблематику – излишняя широта интерпретации, в результате которой под понятие «трудная жизненная ситуация» возможно записать любое проявление неблагополучия в семейных отношениях, любой степени тяжести, протяженности во времени, сложности и т. д.

Стоит рассмотреть это замечание подробнее, поскольку ошибка в трактовке термина «трудная жизненная ситуация» – концептуальная ошибка, влечет за собой также методологические и организационно-методические ошибки соответственно. Именно так рождается организационная патология, в нашем случае выражающаяся в дисфункциональности конструирования, структурирования и приведения в действие механизма социальной реабилитации [3].

В качестве базовой парадигмы рассмотрения концепта «трудная жизненная ситуация» необходимо обратиться к разработанной А. Н. Поддьяковым компликологии (буквально «наука о трудностях»). Подчеркивается, что «трудность» не является строго научным понятием, поэтому в рамках компликологии оно определяется согласно словарям русского языка и понимается как препятствие, помеха, преодоление которой требует труда, напряжения, усилий [2].

Одним из важных положений этой науки является отход от негативной коннотации понимания трудностей путем классификации трудностей на конструктивные, деструктивные и диагностические. Таким образом, концепт «трудная жизненная ситуация» возможно трактовать как ситуацию, влекущую за собой такие трудности, которые ребенок (или ответственный социальный актор в его социально-психологическом пространстве) не может преодолеть в силу функциональной невозможности применить усилие, и влекущую за собой деструктивное разложение структур психики ребенка, в первую очередь к структурной диссоциации базового механизма преодоления проблемных ситуаций (а проблемные ситуации всегда сопровождаются трудностями, вопрос лишь в характере самой трудности) – структурной диссоциации механизма субъективного переживания, что опосредует собой виктимодраму развития трудных подростков.

Также немаловажно отметить и необходимость верной трактовки концепта «трудный подросток». На основании положений компликологии и всего вышеизложенного сконструировать операциональное определение этого концепта становится сравнительно тривиальной задачей.

Трудный подросток – подросток, который в результате критического функционирования в рамках своего социально-психологического пространства не только становится неспособным к решению жизненных задач (содержащих в себе проблемы и, соответственно, сопровождающихся трудностями), а значит и неспособным к преодолению трудностей, но и функциональная конфигурация которого складывается таким образом, что источником трудностей для подростка становится характер его же собственного функционирования, а точнее – его дисфункциональности. В парадигме социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского этот феномен возможно определить концептом «виктимогенное кольцо», хотя изначально он имеет несколько иной смысл, но в данном контексте нам важна отражаемая им суть замкнутого виктимогенного круга.

Таким образом, виктимодрама трудных подростков воплощает собой конкретный конечный набор шагов сценария развития таких детей, равно как и конкретные описательные характеристики категорий случаев самих подростков, попадающих в трудные жизненные ситуации. В результате воздействия на сознание подростков концентрированной войны, когнитивной войны многие современные подростки становятся социально дисфункциональными – неспособными осуществлять социальное функционирование.

Ввиду положений общего генетического закона культурного развития Л. С. Выготского [1] можно говорить также о том, что родители данных подростков являются социально-генетическими носителями социально дисфункционального культурного сценария развития. Таким образом, социально дисфункциональные подростки, попадая в трудную жизненную ситуацию, так или иначе оказываются в различных учреждениях социальной защиты, в частности, в центрах социальной реабилитации.

Проблема заключается в том, что современная социальная психология не предлагает стройной объяснительной теории наличествования данной тенденции хода сценария развития подростков, а сама социальная реабилитация (в лице сотрудников учреждений социальной реабилитации, административных органов, контролирующих данные учреждения) как прикладной компонент этой проблемы находится в концептуально-методическом упадке.

Основой нашего взгляда на проблему является виктимология Е. В. Руденского (социально-педагогическая виктимология личности, социально-психологическая виктимология личности, клиническая виктимология и др.) [6–21]. С ее парадигмальных концептуальных и теоретико-методологических позиций нами будут рассмотрены непосредственно виктимодрама трудных подростков, реконцептуализация социальной реабилитации, постановка терапевтической мишени и представление метода работы с данной мишенью – драма-дидактики.

В ходе полевой работы НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» была вскрыта виктимодрама как сценарий развития трудных подростков. Он представляет собой стадиальную смену нескольких социально-психологических пространств

по ходу усугубления виктимизации (а затем и ревиктимизации) подростка-жертвы, точнее будет сказать «подростка-виктимана», человека-жертвы:

1. Семейное социально-психологическое пространство – в нем происходит виктимизация, зарождается эвентуальная, скрытая виктимность.

2. Образовательное социально-психологическое пространство – здесь и далее происходит повторная виктимизация (ревиктимизация), эвентуальная виктимность переходит в разряд децидивной виктимности как вся психика проявляется в действии, так и виктимность, встраиваясь в структуру психики, функционирования личности, становится «виктимностью в действии».

В образовательном социально-психологическом пространстве ребенок, а повзрослев – подросток, сталкивается с феноменом виктимайзинга как системой двух взаимосвязанных процессов: генезис виктимности (развитие уязвимости) и виктимогенез (развитие уязвимой личности на основе возникающих виктимностей).

3. Социально-реабилитационное пространство – в результате продолжения хода виктимизации, очередной ревиктимизации в виктимодраме трудного подростка, социально-реабилитационное пространство приобретает характер виктимария – места подготовки к «жертвоприношению», а сам подросток приобретает статус виктимошмерца – человека, испытывающего боль и страдание от приобретенной идентичности жертвы (в процессе виктимификации).

4. Основная проблема организации работы по социальной реабилитации трудных подростков с точки зрения концептуализации состоит в диффузии, путанице между концептами «социализация» и «культурный социогенез сознания», если быть более точным – второе подменяется первым, что приводит к тому, что за конечный результат работы принимаются в первую очередь внешние непсихологические признаки благополучия ребенка – наличие полной семьи, отсутствие прямой открытой конфронтации в семейных отношениях, наличие материального достатка и довольствия.

5. Пенитенциарное пространство – по сути, место «жертвоприношения», отношения в учреждениях исполнения наказания носят характер «виктиматор» (палач жертвы) – «виктимопат» (страдающий от собственной виктимной структуры личности).

Стоит отметить, что есть два дополнительных варианта развития последней части сценария, а именно:

5.1. Клиническое пространство – иной вариант «жертвоприношения», предполагающий собой признание наличия у ребенка расстройства личности (без понимания, что его развитие является закономерным следствием развития виктимности личности), изоляция ребенка от окружающего мира (в сущности, социальная депривация), иногда дополняется признанием недееспособности, по сути, стигматизирующее закрепление за ребенком апато-абулического дефекта (бесстрастия и безволия).

5.2. Социально-психологическое пространство подростков-виктиманов – прохождение всех дальнейших стадий развития виктимности в среде сверстников от виктимана до виктимопата (без учета нахождения такого ребенка

и помещения в пенитенциарное или клиническое пространство). Характеризуется беспорядочными, бессистемными попытками заглушить чувство психологической боли, такое состояние называется «виктимошмерц», иначе «боль от собственной виктимности», путем побега (эскапизма) в алкоголизм, наркоманию, бесцельный нomaдизм, хобоизм и т. д., что в итоге приводит к физической гибели подростка.

Ключом к пониманию генезиса изложенного основного сценария развития является концепт-виктим-система Е. В. Руденского, как я характеризую социально-психологическую виктимологию личности Е. В. Руденского [5], особую роль для раскрытия этого понимания выполняют концепты «виктимизация», «депривация усилия», «социальный интеллект», «жестокое обращение», «неглект» (пренебрежение), «травма отвергнутого».

Таким образом, ключевая проблема подростков, попадающих в описанный сценарий развития – затяжной дефицитный характер развития психологических функций, приводящих к целому ряду дезактиваций, среди которых ментальная дезактивация, акциональная дезактивация. Специалисты, работающие в учреждениях социальной реабилитации, в том числе психологи, сталкиваются с невозможностью осуществления подростками какого-либо действия, проявления инициативы, собственной активности. Тогда обеспечение нормативной социализации должно быть возвращено в социально-педагогическое русло и осуществляться социальными педагогами соответственно, а в основу работы учреждений социальной реабилитации должна быть поставлена не социализация, а культурный социогенез сознания, на первых этапах заключающийся в восстановлении способности осуществлять действие как таковое, конечной целью такой работы является запуск у подростков индуктивных механизмов – механизмов самопобуждения к активному действию. Таким образом, социальную реабилитацию возможно определить как восстановление способности осуществлять действие. Для реализации поставленной цели необходимо применение метода драма-дидактики. Драма-дидактика входит в систему социальной психагогики [4] – развитие через взаимодействие способности к выполнению функций, реализуемой в ролевом действии. Существует общий механизм драма-дидактики и культурно-генетический механизм драма-дидактики.

Общий механизм драма-дидактики:

1. Цель – ролевое обучение (социальная функциональная роль), обучаем действиям в роли.

2. Драматическая роль – как только человек берет драматическую роль, мы производим удвоение личности социального актора.

3. Дидактическое удвоение личности социального актора – позволяет человеку находиться одновременно в социально-функциональной и драматической роли.

4. Такое состояние позволяет человеку включать рефлекссию драматической роли.

5. Благодаря рефлексии драматической роли запускается механизм субъективного переживания «Я в драматической роли».

6. Это приводит к сдвигам в сознании, создающих конфликт между Я в драматической роли и Я в социально-функциональной роли.

7. Этот конфликт начинает включать субъективное переживание социальных действий актора.

8. Инсайтное напряжение (в результате сравнения).

9. Трансформирующая реконструкция сознания и социального интеллекта как его ключевого компонента.

Культурно-генетический механизм драма-дидактики:

1. Социально-диагностическая игра – разрешение проблем отношений: берем пару воспитанников, даем проблемы отношений.

2. Рефлексивная диагностика обеспечения функциональной готовности к действию в проблемной ситуации.

3. Концептуализация дефицитов ролевой компетентности.

4. Формулирование драма-дидактических задач.

5. Отбор и презентация драматургического материала (фрагмент, диалог для драма-дидактики).

6. Действенный анализ драматургического материала и конструирование необходимых ролевых компетентностей (речь идет о социальной компетентности).

7. Инсценизация (перевод на язык действия) драматургического материала путем организации конфликта и борьбы.

Резюмируя обозначенный алгоритм, заключим, что посредством изменения ролевого репертуара (а соответственно и репертуара действий) происходит трансформация (конструктивное изменение) социальной компетентности, реконструируется социальный интеллект как основа социального функционирования подростка. Таким образом, концепт-виктим-система Е. В. Руденского [5] являет собой эффективную теоретическую платформу, на основании которой выстроилась реинтерпретация концепции культурно-генетической терапии как социальной реабилитации, позволившая обосновать и обеспечить включение драма-дидактики как ее методического основания.

Список источников

1. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. / под ред. Д. Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.

2. *Поддьяков А. Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. – М.: Изд-во ВШЭ, 2014. – 278 с.

3. *Пригожин А. И.* Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 402 с.

4. *Пузырей А. А.* Психология. Психотехника. Психагогика. – М.: Смысл, 2005. – 488 с.

5. *Руденский Е. В.* Виктимодрама межличностных отношений концептуализация методологии гносеологии социально-психологического механизма виктимизирующих межличностных отношений // Наука. Образование. Инновации: новые под-

ходы и актуальные исследования: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Е. В. Конеевой. – М.: СКИ, 2025. – С. 10–30.

6. Руденский Е. В. Виктимо-драма межличностных отношений: концептуализация и феноменология механизма виктимизирующих межличностных отношений // Мастерство коммуникации: от Сократа до ИИ: сборник материалов всероссийского форума специалистов помогающих профессий с международным участием. – Новосибирск: Манускрипт-СИМ, 2025. – С. 43–54.

7. Руденский Е. В. Драматургический интеракционизм как методология клинической виктимологии личности // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. – 2019. – № 1. – С. 170–185.

8. Руденский Е. В. Клиническая социально-психологическая виктимология: теория и практика девиктимизации межличностной патологии отношений // Высшая школа: научные исследования: материалы международного научного конгресса (Москва, 21–24 января 2024 г.). – Т. 2. – М.: Инфинити, 2024. – С. 24–31.

9. Руденский Е. В. Концептуальное введение в культурно-генетическую виктимологию. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012. – 182 с.

10. Руденский Е. В. Культурно-генетическая концепция социально-педагогической виктимологии личности подростка. Концептуальное введение в теорию и практику социально-педагогической виктимологии личности. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2000. – 148 с.

11. Руденский Е. В. Психология неадаптивного развития личности. Введение в патопсихопедагогику. – Новосибирск: Институт психологии личности, 1998. – 248 с.

12. Руденский Е. В. Психология ненормативного развития личности. Введение в психологическую теорию дефицитной деформации развития личности. – М.: Юрайт, 2019. – 177 с.

13. Руденский Е. В. Психология отклоняющегося развития личности. – М.: Юрайт, 2019. – 392 с.

14. Руденский Е. В. Режиссер-терапевт виктимодрама-социатрии: интеграция социально-психологической, психоаналитической, театрально-педагогической деятельности клинического виктимолога // Новые парадигмы в науке, образовании и культуре: материалы международной научной конференции / под ред. Е. В. Конеевой. – М.: СКИ, 2025. – С. 137–150.

15. Руденский Е. В. Социализационный дефект онтогенеза личности как ядро проблемного поля социально-психологической виктимологии личности // Социально-психологическая виктимология личности. – 2017. – № 1 (4). – С. 34–43.

16. Руденский Е. В. Социальная патология: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 199 с.

17. Руденский Е. В. Социально-психологическая виктимология личности: пропедевтика. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2015. – 146 с.

18. Руденский Е. В. Субъектная виктимность как культурная патология личности, концептуализация проблемного поля клинической социально-психологической виктимологии. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 136 с.

19. Руденский Е. В. Транстеоретическая модель виктимности: концепция супервизии клинических социальных психологов-виктимологов и клинических драма-социатров-виктимологов // Практика психологии и теория психотерапии в современной культуре: сборник материалов всероссийского форума специалистов помогающих профессий с международным участием (Новосибирск, 15–20 ноября 2023 г.). – Новосибирск: Манускрипт-СИМ, 2024. – С. 54–66.

20. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Дефект социализации как базовая категория педагогики критического конструктивизма. Введение в социально-генетическую виктимологию. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2015. – 252 с.

21. Руденский Е. В. Социально-психологический театр виктимодрама-социатрии как метод клинической виктимологии // Трансформация общества: роль образования, права и экономики в формировании устойчивого будущего: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 30 июня – 2 июля 2025 г.). – М.: Социально-культурная инициатива, 2025. – С. 86–96.

22. Сальников О. О. Виктимизм в теоретико-методологическом аспекте социально-психологической виктимологии // Вопросы девиантологии. № 8 (40). – Тверь: Изд-во Академии Национального образования и науки, 2025. – С. 50–56.

Информация об авторе

Олег Олегович Сальников, аспирант 3-го курса факультета психологии, магистр психолого-педагогического образования, Новосибирский государственный педагогический университет; исполнительный директор, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского; психолог, Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири», Новосибирск

Поступила: 08.12.2025

Одобрена после рецензирования: 16.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 1

Научная статья

УДК 159.97+316.6+159.922.7

Деформация ментальных функций как клинико-виктимологический механизм виктимодрамагенеза психики ребенка в гиперопекающей семье

М. Е. Кургузов^{1, 2, 3}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Средняя образовательная школа № 155, Новосибирск

³ Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Аннотация. Одной из основных целей и направлений построения психологической и педагогической деятельности является развитие ментальных функций субъектного саморегулирования у современной личности. Данная задача реализуется всеми педагогическими и психологическими ресурсами, социально-помогающими специалистами, работающими в системе образования, абилитации и в иных структурах оказания психологического сопровождения. При детальном анализе феномена ментального развития человека в настоящем времени существует огромное количество рисков и ситуаций, в которых ставится под угрозу процесс социогенеза психики человека, протекающий первично в самой близкой и сильнейшим образом влияющей на развитие психики человека группе – семье, потому крайне актуальным является вопрос о построении, управлении и реализации крайне сложного, но в то же время критически важного процесса культурного социогенеза ментальных функций в самой часто распространенной виктимогенной семейной ситуации развития личности – гиперопекающей семье, где развитие психики обретает порой крайне дефектный и деструктивный вид. Понимание этого феноменального явления сформировалось на основе теоретико-концептуальных идей социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского.

Ключевые слова: виктимогенная гиперопекающая семья; виктимодрама сознания; дисфункциональность; культурный социогенез; ментальная функция

Для цитирования: Кургузов М. Е. Деформация ментальных функций как клинико-виктимологический механизм виктимодрамагенеза психики ребенка в гиперопекающей семье // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 1. – С. 44–49.

В социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского семья играет фундаментальную роль в развитии психического и личного, бу-

дучи навигатором развития человека. На сегодняшний момент в семейном институте социализации человека большинство групп семейного пространства в процессе воспитания ребенка применяет гиперопекающий стиль воспитания, гиперпротекционный стиль воспитания, выстраивают симбиотические отношения с ребенком [4].

Гиперопекающий, гиперпротекционный стили воспитания характеризуются высоким уровнем контроля когнитивной деятельности ребенка, эмоциональной деятельности ребенка, социального окружения ребенка, подавлением волевого саморегулирования и проявления усилия ребенка, стремлением к доминированию над ребенком при дефиците ощущения контроля над ним, манипулировании чувством вины, обиды, признании неполноценности ребенка с дальнейшим формированием чувства стыда и т. д. Гиперопека есть стремление захватить инициативу и управлять деятельностью ребенка по ряду причин:

1. Высокий уровень тревожности современного родителя [5], что является предиктором контролирующего стиля воспитания, желания внедрения в границы значимого другого для закрытия дефицита самооценности и собственной значимости, несущего угрозу ощутить себя униженным, социально отвергаемым, социальной семейной безопасностью, статусной безопасностью. Высокий уровень тревожности обусловлен культурной травмой российского общества в конце прошлого века [15], драматическим переживанием значительного количества зрелого населения травматичных жизненных ситуаций, приводящих к деструкции эмоционального состояния, утрате субъектной регуляции и, вследствие, ощущения личностной безопасности.

2. Повышение количества субъектов современного социокультурного поля с имеющимися дефицитом, диффузией Я-концепции, утратой собственного «Я» [13]. Личность с дефицитарным «Я» стремится владеть жизненной ситуацией и контролировать иной субъект для закрытия дефицита собственной значимости, «проживать жизнь за своего ребенка». Данная проблема исторически формируется в деформации культуры большинства государств и стран мира в сторону капиталистических тенденций, диктующих функциональные диспозиции нарциссического перфекционизма в культуре выстраивания самоотношения, социально-ролевого оценивания, социально-ролевой репрезентации современной личности, потребительского гедонизма в формировании мотивационной, волевой, потребностной в сферах личности [11].

3. Снижение общей компетентности института семьи как следствия гипопротекционного воспитания «потерянного поколения» крайней четверти прошлого столетия, вызванной экономическим, политическим, культурным кризисами страны и общества в целом.

Выстраивая понимание развития психического, с позиции ментального конструктивизма Л. С. Выготского, развитие ментальных функций является процессом социогенетическим, культурно обусловленным и протекает в драматической деятельности межличностных отношений [3]. Ментальная функция является системной организацией психических процессов, реализующихся в деятельности субъекта [14]. Ментальное и мыслительное являются

разными сферами субъективной саморегуляции личности, иерархически обустроенными на разных уровнях деятельностного саморегулирования субъекта. Ментальная функция направлена на задачи личностной мотивации функционирования, формируясь в сплетении с личностными ценностями, мотивами и в перманентном осознании себя личностью как первопричины своего действия [10]. Ментальные функции являются инструментами организации функционально-психологической и социально-ролевой сфер осуществления деятельности личности как социального актора и представляют собой следующий перечень функциональных процессов, которые выявлены многими авторами, исследующими ментальные процессы саморегулирования и в настоящее время исследуются, обобщаются и систематизируются в деятельности «Лаборатории социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского»: проницание, идентификация, индукция, дедукция, доказательство, интерпретация, абстрагирование, рассуждение, антиципация, контроль, самоконтроль, прогнозирование, принятие решения, целеобразование, планирование, программирование, концептуализация, проблематизация, рефлексия, переживание [1; 6; 14].

Данные ментальные регуляторы функционально-психологической и социально-ролевой деятельности личности как социального актора вращиваются в процессе культурного социогенеза личности как системы механизмов зарождения, формирования и развития субъектности и субъектного саморегулирования личности [12]. В процессе социогенеза личности и реализуются следующие процессы культурного развития личности [12]:

- интеракция – запускающий механизм социогенеза функции;
- интериоризация – объективизирующий механизм социогенеза функции;
- экстериоризация – актуализирующий механизм социогенеза функции.

В процессе культурного развития психического всякая ментальная функция проходит данный эпигенетический цикл, протекание которого детерминируется семьей как социокультурным пространством, в котором опредмечивается, исследуется и апробируется всякая модель поведения. Гиперопекающая модель семейного воспитания, будучи моделью авторитарного контроля ребенка родителем, либо же дефензивного потакания ребенку родителем, нарушает принцип интеракции как формы отношений, включающую взаимодействие эмоционально включенного доверительного субъект-субъектного характера [2]. Интеракция не подразумевает доминацию, агрессивное давление, обесценивание, подчинение, подавление как формы отношений, в которых ролевой процесс социального действия не включает взаимодействие и резонанс субъектов [12]. В данной форме отношений социогенез психики принимает закрытую эскапическую форму путем ухода из контакта со значимым другим, либо характер функциональной зависимости от значимого другого. Оба варианта протекания процесса социального функционирования в семейной системе формируют дефицит культурного потенциала процесса интериоризации (Е. В. Руденский) как постоянного усвоения моделей поведения в соответствии с задачами функционирования, встречаю-

щимися в жизнедеятельности. Таким образом, деструкция интерактивного механизма социогенеза в гиперопекающей семье образовывается в форме подавления развития механизмов функционирования модели психического (Е. А. Сергиенко) путем отсутствия взаимодействия со значимым другим в доминирующей и подчиняющейся-дефензивной формах взаимодействия. Данные формы взаимодействия формируют отсутствие потребности в усвоении моделей социально-нормативного поведения в силу контроля выполнения функциональных задач и выполнения функциональных задач путем усилия родителя, но не ребенка.

Деструкция процесса интериоризации в гиперопекающей семье протекает путем механизма гипертрофии семейного контроля, управления и ингибции волевой спонтанной когнитивной деятельности ребенка родителем, разрушая зарождение и формирование мотивации исследования, изучения, поглощения предметов окружающей среды. Как пример, в настоящее время в образовательной среде существует феномен скользящего внимания, отлично отражающий разрушение системы регуляторных процессов обучения, результатом которого является утрата интереса, апатичное состояние субъектов образовательного процесса, не имеющих сколь угодно смысл интериоризации моделей в предметной среде, которая под давлением и воздействием гиперопекающего родителя становится конфликтной и диссонансной. В тот же время, существуют дети (в частности, младшие школьники) в гиперопекающих семьях, имеющие крайне высокую мотивацию изучения и обучения в школьной среде, связанную с условием получения признания родительской фигурой при успешности протекания процесса обучения. В данном формате процесса социогенеза личности интериоризация школьного материала детерминирована исключительно сохранением позитивной Я-концепции школьника в отношении с родителем, нежели какого-либо интереса к предметной деятельности учебного процесса, что делает крайне виктимной мотивационную сферу интериоризации и включения в процесс обучения после наступления подросткового кризисного этапа социогенеза идентичности, где, отделяясь от родительского контроля, субъект столкнется с полным отсутствием учебной мотивации.

Развитие ментальных процессов регуляции деятельности может происходить только в активном самопроявлении и разрешении субъектно важных задач – субъектной саморегуляции в процессе социальной адаптации как воплощении экзистенциально-значимых мотиваций личности [7], стремлении к психологическому благополучию [9], удовлетворению личностно-значимых потребностей [8]. Данный процесс возможен при протекании экстериоризации усвоенных ранее культурных сценариев с дальнейшим возобновлением цикла опредмечивания нового и присвоения ему смысла и ценности в процессе интериоризации. Деструкция процесса экстериоризации проявляется в описанном ранее механизме контроля и ингибции самопроявления индивида, разрушая механизмы самопроявления и апробации культурных моделей поведения, что крайне необходимо для интеграции культурного опыта в сознание субъекта деятельности.

Деформация ментальных функций личности (приводящая по мнению Е. В. Руденского к культурно-психологическому дефекту социогенеза) при данной форме протекания социогенеза в гиперопекающей семье обретает общесистемную определенную направленность в построении жизнедеятельности, выраженную в двух больших позициях, выделенных Е. В. Руденским как деформированные диспозиционные системы деятельности виктимопата [12]. Данные две позиции формируются в результате деструкции механизмов саморегулирования в социогенетическом культурном развитии ментальных функций, формирующей дефицит ментального регулирования деятельности, что приводит к драматическому переживанию невозможности функционирования в трудных жизненных ситуациях. Отметим данные диспозиционные ментальные функциональные конструкции, представленные в работах Е. В. Руденского:

1. Эскапизм как избегание решения задач, уход от ответственности в построении собственной жизнедеятельности субъектом. Страдание от беспомощности построения действия в различных жизненных ситуациях, агрессивное обвинение иных субъектов в собственных неудачах совершения деятельности, если говорить о системной деформации диспозиционной направленности и операциональной насыщенности ментального репертуара моделей функционирования.

2. Пассивно-агрессивный ресентимент как перманентное обвинение, критика, недовольство и отвержение субъектного проявления человека в социальном окружении виктимопата.

Данные формы построения виктимной системы самосознания как структуры отношений к действительности формируются системой деятельности ментальных функций и реализуются в ментальной регуляции осуществления жизнедеятельности, которые возвращаются в культурном социогенезе личности. В настоящее время виктимологический анализ приходит к пониманию виктимодрамы ментального функционирования как причины виктимодрамы сознания и следствия виктимодрамы семейных отношений.

Таким образом, ментальное функционирование человека напрямую зависит от протекания механизмов их культурного развития в семейном пространстве гиперопеки раннего бытия субъекта. Анализируя каждую ментальную функцию по отдельности в развитии у ребенка, культивируемого в гиперопекающей семейной ситуации, можно сделать вывод, что необходимо посвятить каждой отдельной функции глубинный анализ в работе социального психолога-виктимолога как в диагностической практике, так и в консультативной и терапевтических практиках.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 160 с.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 384 с.
3. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.

4. *Вареца Е. С., Скиба Н. В.* Изучение стилей семейного воспитания // Новая наука: от идеи к результату. – 2016. – № 1-3. – С. 47–51.
5. *Камзина О. А.* Взаимосвязь родительской тревожности и родительской компетентности, обусловленной социальными ожиданиями // Социальные явления. – 2016. – № 1 (4). – С. 55–60.
6. *Карпов А. В.* Психология сознания: метасистемный подход. – М.: РАО, 2011. – 1088 с.
7. *Лэнгле А.* Основы экзистенциального анализа. – СПб.: Питер, 2022. – 288 с.
8. *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
9. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования: как давать и обретать душевное здоровье. – М.: ЭКСМО, 2002. – 256 с.
10. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.
11. *Руденский Е. В.* Межличностная патология: теоретическое основание виктимологической концепции психологии развития // Развитие человека в современном мире. – 2020. – № 3. – С. 96–111.
12. *Руденский Е. В.* Субъектная виктимность как культурная патология личности: концептуализация проблемного поля клинической социально-психологической виктимологии. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 187 с.
13. *Соколова Е. Т.* Клиническая психология утраты Я. – М.: Смысл, 2015. – 895 с.
14. *Шадриков В. Д.* Ментальное развитие человека. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 284 с.
15. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

Информация об авторе

Максим Евгеньевич Кургузов, бакалавр психологии, магистрант 1 курса факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; педагог-психолог, средняя общеобразовательная школа № 155, Новосибирск; научный сотрудник, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Поступила: 11.12.2025

Одобрена после рецензирования: 17.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Научная статья

УДК 159.96+316.6+004.8

Функциональная суррогация как механизм виктимизации личности в контексте использования нейронных сетей

Д. П. Скорова^{1, 2, 3, 4}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

³ Центр «Родник», Новосибирск

⁴ Служба экстренного психологического консультирования по телефону доверия, Новосибирск

Аннотация. Обращение к возможностям искусственного интеллекта в повседневной жизни становится новой общественной тенденцией. В частности, как один из инструментов в области искусственного интеллекта большой популярностью обладают нейросети.

С одной стороны, эксплуатация потенциала нейросетей обладает конструктивным, положительным эффектом – автоматизация рутинных задач, интенсификация рабочих процессов, возможность обрабатывать колоссальные объемы информации и т. д. С другой стороны, частое обращение за помощью к нейросети создает негативный эффект.

В статье рассматривается процесс функциональной суррогации – когнитивно-дефицитного, паратаксичного замещения культурного функционирования (сознательно управляемое) нейросетевым («предлагаемое» извне). Проблема рассматривается на четырех уровнях (когнитивный, социальный, поведенческий, эмоциональный) на теоретико-концептуальной платформе социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского.

Ключевые слова: ChatGPT; искусственный интеллект; культурная патология; мышление; поведение; нейросеть; психическая функция; социальное функционирование; функциональные системы; функциональный дефект; эмоциональный интеллект

Для цитирования: Скорова Д. П. Функциональная суррогация как механизм виктимизации личности в контексте использования нейронных сетей // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 1. – С. 50–61.

Сотовые телефоны, компьютеры и прочие девайсы давно стали естественным продолжением сознания современного человека. Значительная часть жизни многих людей так или иначе связана с социальными сетями и интернетом – рабочие или учебные чаты, возможность быть на связи с близкими, поиск новой и необходимой информации. Хотя изначально, подобного рода техника создавалась с целью ее применения только в научных и военных областях, уже в 1990-х годах возникла идея использовать компьютеры и интернет в народных целях.

Технологический прогресс послужил толчком к изучению и развитию искусственного интеллекта (ИИ). Несмотря на то что единого определения нет

(поскольку понятие искусственного интеллекта достаточно универсально), под искусственным интеллектом принято понимать «область компьютерных наук, которая занимается созданием систем, способных к выполнению задач, требующих интеллекта человека» [7]. В определении заметно отождествление культурного функционирования и нейросетевого, способного имитировать воспроизведение этого культурного процесса, что является вполне закономерным.

На протяжении разных эпох человечество задавалось вопросом о том, как осуществляется процесс мышления. Многие философы и ученые грезили идеей создания машин, имитирующих функции человеческого мозга. Подобного рода интерес к теме искусственного интеллекта может быть обоснован двумя основными суждениями:

1. Эксплуатация искусственного интеллекта – способ расширения горизонтов развития человечества.

2. Изучение процесса мышления позволяет человеку понимать окружающий мир, влиять и управлять им.

Раскрывая смысл первого суждения, невозможно игнорировать степень внедрения и применения технологий ИИ в основных сферах жизни человека: экономическая, политическая, социальная, духовная. Успех применения искусственного интеллекта в данном случае обусловлен его гибкостью, высокой адаптацией, способностью работать с большими объемами данных и возможностью постоянного обучения.

Второе суждение делает акцент на реализации и изучении мыслительного процесса, а также попытке его воспроизведения в контексте работы ИИ. Исследование внешнего мира осуществляется за счет двухуровневой системы познания: чувственная (восприятие, воображение) и рациональная (мышление, память).

Мышление – опосредованное и обобщенное познание объективной реальности [14]. Его основная задача – выявлять необходимые связи, основанные на реальных зависимостях, отделяя их от случайных совпадений во времени и пространстве [11]. Данный процесс предполагает опору на так называемые культурные средства – практические действия, модели, схемы, символы, знаки, язык и т. д.

Искусственный интеллект в данном случае это результат попытки воссоздания и воспроизведения процесса культурного мышления: ИИ обучается и функционирует на основе данных, полученных с помощью действия алгоритмизированного процесса, позволяющего находить закономерности и, условно, принимать решения. Это также предполагает использование искусственным интеллектом продуктов деятельности, созданных человеком – те же модели, схемы, символы и т. д. Это дает нам возможность предполагать, что интерес человека в отношении ИИ обусловлен стремлением воссоздать наглядный метакогнитивный процесс. Под метакогнитивным процессом мы понимаем способность человека осознавать, анализировать, регулировать собственные познавательные процессы (память, внимание,

мышление и т. д.) будучи субъектом собственной умственной деятельности. Иными словами, это возможность размышлять о процессе своего мышления.

Один из наиболее популярных инструментов, с помощью которого реализуется работа искусственного интеллекта, – нейросеть. Нейросети – это компьютерные системы, пытающиеся имитировать работу человеческого мозга [8]. Их структура представлена подобием взаимосвязанных нейронов, обрабатывающих большое количество информации, передавая ее через нейронные связи. На данный момент можно определить четыре типа нейросетей: полносвязные, рекуррентные, сверточные, трансформеры. Каждый из представленных типов обладает уникальными способностями и областью применения. В рамках исследования больший интерес для нас представляет использование человеком нейросетей-трансформеров (более распространенное название: нейросетевой чат или чат-бот). Это самый востребованный и популярный тип нейросети, используемый для «общения» и поиска необходимой информации.

Можно выделить основные научно-исследовательские организации и компании, занимающиеся разработками в области ИИ: на западе – OpenAI, Google, Microsoft, в России – Яндекс и Сбер. При этом лидирующие позиции в списке наиболее популярных чат-ботов вот уже долгое время занимает ChatGPT.

ChatGPT (от англ. *Generative Pre-trained Transformer* «генеративный предобученный трансформер») – чат-бот с генеративным искусственным интеллектом, работающий в диалоговом режиме и поддерживающий запросы на естественных языках. Слово «*transformer*» в данном случае, на наш взгляд, имеет два значения:

1. Преобразовывать, изменять – в контексте работы чат-бота с информацией, поступающей от человека.
2. Преобразование функционирования человека – проблематика, отраженная в теме статьи.

Несмотря на то что в основе идеи создания нейросетей заложен конструктивный концепт – помощь в реализации ранее недоступных задач (в рамках традиционного программирования) и применение в разных сферах жизни человека, на данный момент он все больше приобретает дезорганизующий и дисфункциональный оттенок. Поскольку тема статьи сформулирована следующим образом: «Функциональная суррогация как механизм виктимизации личности в контексте использования нейронных сетей», нами будет рассмотрен процесс подмены культурного функционирования на нейросетевое в рамках четырехуровневой системы (когнитивный, социальный, поведенческий, эмоциональный уровни) на теоретико-концептуальной платформе социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского [17].

В соответствии с темой статьи, на платформе социальной сети «ВКонтакте» нами был организован и проведен опрос, посвященный проблеме использования нейронных сетей человеком. На основе анализа ответов пользователей было выделено 4 уровня проблемы виктимогенного, деструктивного влияния использования нейросетей на функционально-психологические возможности

человека. Однако первоначально представим эти уровни как нормативные психологические феномены, на базе которых мы будем рассматривать их деструкцию под воздействием частого использования возможностей нейросетей.

Первый уровень – когнитивный. Мы понимаем его как уровень функционирования и познания мира субъектом, как опосредованное этим функционированием мышление, восприятие, память, внимание и речь. Однако в исследовании мы делаем упор, в большей степени, именно на мышление, а также возможности конструктивного осуществления этого процесса [1].

Л. С. Выготский внес большой вклад в исследование проблемы развития высших психических функций, который нашел отражение в культурно-исторической теории развития психики и личности. Данная теория описывает онтогенетическое развитие человека путем усвоения культурных средств (знаков – символов и орудий – действий), позволяющих преобразовывать элементарные функции в высшие психические за счет перехода внешней (интерпсихической) деятельности во внутреннюю (интрапсихическую). Исходя из этого, высшие психические функции – это социально-обусловленные «процессы овладения внешними средствами культурного развития и мышления» [3], сформировавшиеся в процессе культурно-исторического развития. Психическая функция неотделима от функциональной системы сознания, особенности которой определяются влиянием социально-психологического пространства, которое включает в себя внешние объекты окружающего мира (социальная среда, социальные отношения), а также его субъективное восприятие и переживание (ценности, установки).

Суть мышления как высшей психической функции заключается в «обработке поступающей информации в соответствии с целью, задачей, которую решает субъект» [22]. Процесс мышления можно представить в виде концептуальной ментальной схемы [13]. Схема мышления – схема, описывающая логику действий и поведения человека, функционирующую при восприятии новой информации. Ее можно представить следующим образом:

1. Чувственное познание объекта действительности через ощущение и восприятие (органы чувств).

2. Ощущения, полученные от взаимодействия с внешним объектом, запоминаются (чувственная память), а также дополняются эмоциональной реакцией в отношении объекта и эмоциональным состоянием субъекта.

3. Далее возможно чувственное (основанное на ощущениях) воображение объекта, а в некоторых случаях и целенаправленное запоминание (фиксация в памяти), с помощью которого образ объекта в дальнейшем можно активировать (вообразить) в зависимости от потребности субъекта (узнавание через запоминание).

4. Взаимодействие субъекта с объектом внешней среды фиксируется в виде пространственно-временных ощущений, образующих модель пространственно-временной памяти, на основе чего для субъекта становится возможным механизм прогноза (предвосхищение).

5. Чувственный образ формирует модельные ощущения (т. е. некий образец), а воображение этого образа приобретает осмысленный модельный характер. Это способствует формированию чувственной схемы, что стимулирует процессы узнавания, анализа, возможности выбора действия (поведение) и ориентирование во внешней среде. Это также является предпосылкой к формированию ментальной схемы.

Таким образом, схемы мышления формируются на основе ощущений и реакций, получаемых при взаимодействии с объектами внешней среды и мета-ощущений их упорядоченности в пространстве и времени, за счет модельных представлений. Последовательная активация элементов ментальных схем, по описанному сценарию, обуславливает мыслительный процесс и предопределяет операции мышления: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, конкретизация, классификация. При взаимодействии с нейросетями ментальная схема, а точнее ее сценарий, обуславливающий мыслительный процесс, разрушается и возникает функциональная суррогация. Поясним: функциональная суррогация – когнитивно-дефицитное, партаксичное замещение культурного функционирования нейросетевым.

Проблема функциональной суррогации на когнитивном уровне представлена в обобщенных ответах опрошенных, использующих чат-боты с целью делегирования нейросети реализации функции мышления, например, быстро и исчерпывающе дает ответ или совет; объясняет, исправляет ошибки, формулирует запрос/проблему/предложение; подсказывает, как поступить. Анализ ответов опрошенных, позволяет выдвинуть гипотезу о прогрессирующей тенденции когнитивной деградации.

Любая психическая функция представляет собой средство достижения цели субъектом, которая определяется потребностями, ценностями и т. д. Цель мышления как функции – оценка, обработка, интерпретация и возможность дальнейшего применения поступающей информации извне в рамках решения поставленной задачи.

Каждый человек рождается с незавершенным строением функциональных систем, реализующих отдельные психические функции [21]. Их конечное созревание и развитие происходит в процессе взаимодействия человека с внешней культурной средой (социум), что в дальнейшем обуславливает возможность решать задачи, возникающие в контексте существования в этой среде. Попытка привести функцию в действие усложняет ее (т. е. развивает), а также совершенствует функциональную систему. При этом Л. С. Выготский отмечал, что развитие психических функций возможно через овладение собственным поведением (культурное развитие). Поведение как проявление активности сопряжено с волевым компонентом. Воля в данном случае выступает реализатором сознательного и целенаправленного поведения, а также компонентом усилия.

Использование возможностей нейросетевых чатов свертывает и упрощает функцию мышления человека, что обуславливает регрессию функциональной системы мышления в целом. То есть если первоначально процесс активации

функции мышления в контексте решения поставленной задачи можно представить следующим образом: *когнитивная оценка* → *переживание (поиск решения проблемы)* → *воля* → *усилие* → *действие/поведение* → *реализация функции мышления* → *усложнение функции* → *развитие функциональной системы* → *развитие личности* → *конструктивное функционирование в социуме*, то в процессе использования нейросети данная последовательность сворачивается до трех компонентов: *когнитивная оценка (какую задачу мне нужно решить?)* → *применение несложного волевого усилия (описать задачу нейросетевому чату)* → *действие (получить готовый ответ, прочитать его)*. Визуальное изображение процесса активации мышления в двух разных случаях, демонстрирует упрощение функциональной системы мышления и отсутствие возможностей для развития когнитивных способностей при попытке получения готового ответа или решения от искусственного интеллекта. В результате применения нейросетей выпадают следующие звенья: переживание (поиск решения проблемы), реализация функции мышления, усложнение функции, развитие функциональной системы, развитие личности, конструктивное функционирование в социуме.

Стоит отметить, что большинство опрошенных рассуждают о нейросети как о том, что способно мыслить. Данное суждение является заблуждением, поскольку нейросеть представляет собой систему, созданную и запрограммированную человеком, заключающую в себе определенный функционал, позволяющий решать конкретные задачи, который отчасти действительно имеет сходство с процессом человеческого мышления [12], например, в производимых операциях анализа, синтеза, сравнения и т. д. Однако нейросетевое «мышление» лишено чувственного восприятия, ощущений, воображения, эмоциональной реакции, переживания т. е., того, без чего невозможно представить цепочку реализации мыслительного процесса. Оно лишено творческой составляющей и не имеет возможности создавать новый интеллектуальный продукт [4].

Паратаксичный взгляд на работу чат-ботов и попытка подменить функцию культурного мышления нейросетевым указывает на наличие культурно-патологического психологического функционирования личности, выражающегося в дефицитном когнитивном функционировании [16], связанного с социализационным дефектом онтогенеза личности [15]. Поясним, что это означает.

Формирование и развитие личности осуществляется под влиянием интерактивных систем культурного социогенеза функциональной компетентности: семья, образовательные учреждения, неформальные дружеские компании. От характера взаимоотношений внутри каждой системы зависит вектор развития личности – конструктивный (функциональная норма), деструктивный (культурная патология). Деструктивная направленность формирует дефект культурного социогенеза компетентности (по терминологии Е. В. Руденского), что выражается в невозможности адекватного функционирования – психологического, субъектно-регулятивного, социально-культурного, субъектно-волевого, онтогенетического, социально-экзистенциального [18].

Культурная патология социогенеза функциональной компетентности является источником культурно-психологического дефекта социогенеза сознания, в основу которого заложена субъектная виктимность. Культурно-психологический дефект сознания – маркер, указывающий на наличие дефицита психических функций (например, когнитивной функции), а также дефицита социально-функциональных компетентностей, которые являются необходимыми, для комфортного социального функционирования. Это переводит нас на второй уровень проблемы – социальный.

Проблема функциональной суррогации, также связанная с социальным уровнем, представлена следующими ответами опрошенных: нейросеть лучше понимает, о чем говорит человек, производит анализ конфликтов и описывает проблемы в отношениях с окружающими; хорошо имитирует собеседника; избавляет от одиночества. На основе анализа ответов мы можем предполагать выраженное дисгармоничное социальное функционирование не только среди людей, принявших участие в опросе, но и в обществе в целом – по последним данным проведенных исследований в России каждый второй человек использовал возможности нейросетей в течение последнего года (т. е. 51 %) [6].

Адекватное социальное функционирование предполагает конструктивное и эффективное взаимодействие индивида с социумом, успешное овладение и реализацию социальных ролей. Помимо этого, оптимальная включенность в социальную среду связана с такими аспектами социального функционирования, как: социальное поведение, умение поддерживать социальные связи, адаптивность, наличие целеполагания. Социальное функционирование имеет тесную взаимосвязь с социальным интеллектом и когнитивными способностями.

Впервые термин «социальный интеллект» был введен в XX веке Э. Торндайком и получил следующее значение – способность добиваться успехов в межличностных ситуациях, умение вести себя мудро в соответствии со сложившейся ситуацией, а также возможность развития навыка управления другими людьми [23]. Однако воспроизведение цепочки подобных сложных действий невозможно без реализации функции мышления и развитых когнитивных способностей. Соответственно, само по себе социальное функционирование без составляющих его компонентов (социальный интеллект и когнитивные способности) невозможно.

Ответы опрошенных, отнесенные к социальному уровню проблемы, указывают на наличие дефицита социально-функциональной компетентности, в частности у тех, кто использует функционал нейросети для анализа ситуаций социального общения и запроса необходимой поведенческой модели в конкретной ситуации. Дефицит социально-функциональной компетентности описывает культурную патологию социально-когнитивного функционирования (отсутствие понимания поведения – своего и окружающих, а также его смысл; неспособность восприятия и понимания отношений), культурную патологию социально-ролевого функционирования (отсутствие возможно-

сти проявить социальную активность, адаптивность, автономность), а также культурную патологию социально-коммуникативного функционирования (выраженная социальная неловкость, неумение развивать и выражать взаимопонимание, взаимопознание, взаимовлияние). При недостаточной сформированности навыков социального функционирования, потребность в реализации общения, в большинстве случаев, сохраняется. Ощущение фрустрации при этом играет роль некоего мотивационного компонента, ориентирующего человека на поиск инструмента извне (инструмента, который решит проблему), а не на самостоятельный анализ и преобразование своих действий.

Проблема социального функционирования связана с третьим уровнем проблемы функциональной суррогации – поведенческий уровень. В данном случае многие ответы опрошенных связаны с запросами, предполагающими изменение, коррекцию или анализ поведения – собственного или другого человека, например, нейросеть способна объяснить, почему люди поступают определенным образом; может проанализировать действия/поведение и дать рекомендации, как их изменить.

Под поведением принято понимать совокупность поступков, действий и реакций субъекта, обусловленных его взаимодействием с окружающей средой и обладающих влиянием внутренних и внешних факторов. Неумение самостоятельно проанализировать собственное (или любое другое) поведение, дать ему оценку и, при необходимости, скорректировать, характеризует функционально-компетентностный дефицит на уровне социально-поведенческого функционирования: культурная патология процесса самоуправления (трудности в оценивании поведения, сложности в планировании и коррекции функционирования, анализировании противоречий, затруднения в принятии решений) и культурно-патологический субъективный контроль (преобладание внешнего локуса контроля).

При этом отдельно стоит отметить, что небольшая часть опрошенных поделилась опытом общения с чат-ботами, которые негативным образом влияли на поведение и общее состояние, например, выраженный эскапизм (желание убежать от реальности и забыться в общении с нейросетью); затрачивание большого количества времени на общение с чат-ботами (более 5–6 часов в день); ощущение зависимости; ухудшение психического состояния (особенно, при наличии диагностированных психических расстройствах).

Мы обращаем внимание на то, что запросы, адресованные нейросети и описывающие социальный и поведенческий уровни проблемы, имеют общее основание: человек отказывается применять усилие для решения конкретной задачи, делегируя ее выполнение чат-ботам, используя их функционал, что описывает процесс функциональной суррогации.

По Л. С. Выготскому, движущей силой развития человека является обучение, которое за счет возникновения зоны ближайшего развития (уровень развития и роста пока что недоступный для ребенка при осуществлении самостоятельной деятельности, однако возможный в групповой деятельности совместно со взрослым, учителем или наставником), активизирует внутренние

трансформационные процессы. Вначале эти процессы обладают внешними характеристиками – развитие во взаимодействии с окружающими (помощь взрослых), а затем заменяются внутренними – трансформация во внутренней структуре сознания (самостоятельная деятельность за счет усвоения культурного опыта без опоры на кого-либо). Использование нейросетей в анализе и коррекции социального и поведенческого функционирования характеризует «откат» на первую ступень функционального, психического развития человека – совершение действия с помощью опоры на кого-то (в данном случае, опора – подсказки нейросетей). При этом Л. С. Выготский предполагал, что в случае столкновения с проблемами психического функционирования возможна экстериоризация – вынесение психической функции вовне и уточнение ее работы во внешне-предметной деятельности. Однако уточнение ученого об экстериоризации предполагает применение самостоятельных усилий в контексте совершаемого действия или в опорном взаимодействии «человек – человек», но не «человек – машина». В случае описываемой нами проблемы становится очевидно, что при столкновении с проблемой функционирования человек исключает для себя процесс экстериоризации, прибегая к использованию возможностей нейросети. Ключевая проблема заключается в том, что искусственный интеллект не может воспроизвести процесс экстериоризации, вместо этого он действует по заложенным в его структуре сценариям.

Полученный готовый ответ не является результатом применения собственных усилий человеком, не стимулирует мыслительный процесс и затрудняет понимание социально-поведенческого функционирования. В совокупности описанная проблема в рамках двух уровней может свидетельствовать о функционально-компетентностной неадекватности личности, которая проявляется в социальной и поведенческой дисфункции.

Последний уровень проблемы функциональной суррогации представлен эмоциональным компонентом, проявляющимся при использовании нейросетевых чат-ботов, например, это отображено в следующих ответах опрошенных: общение с нейросетью помогает чувствовать себя лучше; всегда поддерживает; добрая, заботливая; всегда рядом; помогает пережить сильные эмоции и справиться со стрессом. Анализ ответов опрошенных позволяет выделить ряд следующих актуальных проблем.

1. Выраженный антропоморфизм. Антропоморфизм – перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевленные предметы, животных, растения и т. д. Это явление также описывает процесс освоения человеком внешнего мира путем мысленного переноса человеческих характеристик и качеств на те процессы или предметы, с которыми он взаимодействует [20]. С одной стороны, явление антропоморфизма некоторыми учеными воспринимается как примитивная форма мышления, с другой – как метод понимания мира, способный объединить разрозненные компоненты явлений в целостную систему. Так или иначе, большая часть запросов, адресованных нейросети в рамках нашего исследования, описывает попытки человека понять себя и окружающих, через некое отражение за счет получаемых ответов от нейросети и ее

очеловечивания. В нашем понимании это является критичной тенденцией, поскольку формирование субъективного образа объективной реальности человека осуществляется не через опору на внутренние психические процессы (восприятие, эмоции, мышление, переживание и т. д.) и личный жизненный опыт, а с помощью формирования опоры на ответы искусственного интеллекта. Но ИИ не может продуцировать человеческий (культурный) опыт и соответствующие функциональные компетентности, что делает его «восприятие» человеческих проблем искаженным.

2. Отсутствие автономии. В данном случае мы имеем в виду некую эмоциональную автономию, т. е. умение переживать и выражать свои эмоции независимо от влияния людей или внешних обстоятельств. Запросы людей, принявших участие в опросе, указывают на недостаточно сформированную эмоциональную автономию: низкий уровень саморегуляции, внутреннее сопротивление при попытке принять ответственность за свои эмоциональные реакции, пережить и в дальнейшем при необходимости скорректировать. По сути, человек предпринимает попытку анализа и нахождения способов саморегуляции через запрос, адресованный нейросети, а не с помощью мобилизации личностных, внутренних ресурсов, например, обращение к аутокоммуникативным техникам с целью активизации анализа, рефлексии, переживания [2; 5].

3. Низкий эмоциональный интеллект [9]. Это описывают в совокупности две предыдущие проблемы эмоционального уровня: попытки очеловечивания ИИ и недостаточная эмоциональная автономия. В 1990-е П. Сэловей и Дж. Мейер вывели следующее понятие эмоционального интеллекта, который они определили, как «форму социального интеллекта, включающую способность отслеживать свои и чужие эмоции, различать их между собой и использовать эту информацию для управления своими мыслями и действиями» [10]. Анализ ответов опрошенных раскрывает наличие патологии эмоционального функционирования. Это проявляется в низкой эмоциональной осведомленности (недостаточное осознание и принятие эмоций, непонимание эмоциональных реакций – как своих, так и окружающих), недостаточной управляемости эмоциями, низким уровне эмпатии, неумении воздействовать на эмоции других людей.

Подобие попытки овладеть функциональной компетентностью, предполагающей адекватное эмоциональное функционирование, осуществляется с помощью опоры на ответы, выдаваемые нейросетью. Практически любое развитие функциональных систем возможно лишь в формате отношений «человек – человек», т. е. в культурной среде, через проявление человеком активности (деятельность). Однако искусственный интеллект – это совокупность программ, задающих алгоритм мышления, способных имитировать (что буквально означает «подражать») когнитивные функции и деятельность человека в целом. Это описывает процессы функциональной суррогации на эмоциональном уровне человеческого функционирования.

В общем, совокупность проблем функциональной суррогации, описанных через анализ выстроенной нами четырехуровневой системы (когнитивный, социальный, поведенческий, эмоциональный уровень), обладает взаимосвя-

занностью и взаимозависимостью, а также определяет наличие нескольких стремительно развивающихся тенденций:

1. Ошибочное отождествление искусственного интеллекта с человеком в попытке овладеть неким сгенерированным «опытом», что формирует искаженную картину мира у активного пользователя нейросетями.

2. Угнетение стремления к применению волевого усилия с целью решения проблем разного характера и степени сложности за счет делегирования этой задачи ИИ.

3. Формирование патологического когнитивного, социального, поведенческого, эмоционального функционирования.

Описанные выше общественные тенденции характеризуют функционально-компетентностную культурную патологию, являющуюся объектом внимания социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского. При этом само по себе существование, развитие и применение возможностей искусственного интеллекта, как было отмечено в самом начале статьи, включает в себе и конструктивные, положительные аспекты. Однако при наличии у человека различного рода уязвимостей (функционально-компетентностной уязвимости) злоупотребление этими возможностями постепенно приобретает вид функциональной суррогации – когнитивно-дефицитного, паратаксичного замещения культурного функционирования нейросетевым. Это в значительной степени осложняет формирование и развитие нормативного психологического функционирования, делая его невозможным или культурно-патологичным (в контексте установившейся культурно-патологической нормы).

Список источников

1. Баранова Л. В. Структура мышления как основа познания // Гаудеамус. – 2003. – Т. 2, № 4. – С. 84–96.
2. Василюк Ф. Понимающая психотерапия как психотехническая система. – СПб.: Питер, 2023. – 448 с.
3. Выготский Л. С. История развития высших психических функций. – М.: Юрайт, 2016. – 360 с.
4. Горбачевская Е. Н., Краснов С. С. История развития нейронных сетей // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2015. – № 1 (23). – С. 52–56.
5. Гримак Л. П. Психология активности человека: Психологические механизмы и приемы саморегуляции. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – 368 с.
6. Демина К. Нейросети: инструмент, а не магия [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-instrument-a-nemagiia> (дата обращения: 05.01.26).
7. Картер Дж. Искусственный интеллект. Основные понятия. – М.: Литрес, 2024. – 323 с.
8. Картер Дж. Нейросети. Начало. – М.: Литрес, 2023. – 102 с.
9. Конаш О. В. Содержание понятия эмоционального интеллекта в психологической науке // Проблемы современного образования. – 2022. – № 5. – С. 31–37.
10. Люсин Д. В., Ушаков Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к изменениям. – М.: Когито, 2009. – 513 с.

11. Макарова И. В. Общая психология: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2024. – 188 с.
12. Непряхин Н. Анатомия заблуждений: большая книга по критическому мышлению. – М.: Альпина Паблишер, 2025. – 581 с.
13. Пак Н. И. О модели мышления и ментальных схемах // Решетневские чтения. – 2014. – Т. 3, № 18. – С. 306–310.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М.: Учпедгиз, 1946. – 341 с.
15. Руденский Е. В. Социализационный дефект онтогенеза личности как проблема социально-психологической виктимологии личности // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 6. – С. 150–155.
16. Руденский Е. В. Субъектная виктимность как культурная патология личности. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 136 с.
17. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Терапевтическая виктимодиагностика личностной деформации подростка: диагностика личной виктимности. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. – 230 с.
18. Сальников О. О. Функционально-компетентностная парадигма виктимологии Е. В. Руденского как основа анализа структуры социального интеллекта // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 29–31 августа 2025 г.). – М.: Социально-культурная инициатива, 2025. – С. 99–109.
19. Самыгин С. И., Столяренко Л. Д., Бембеева Н. А. Психология развития и возрастная психология. – Ростов н/Д: Феникс, 2024. – 317 с.
20. Титова С. А. Антропоморфизм как форма познания мира // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 125, № 1. – С. 172–179.
21. Шабельников В. К. Функциональная психология. Формирование психологических систем: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. – М.: Академический проект; Культура, 2013. – 592 с.
22. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 284 с.
23. Thorndike E. L. Intelligence and its use // Harper's Magazine. – 1920. – № 140. – P. 227–235.

Информация об авторе

Дарья Павловна Скорова, бакалавр психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; ассоциированный научный сотрудник, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского; педагог-психолог, Центр «Родник»; педагог-психолог, Служба экстренного психологического консультирования по телефону доверия, Новосибирск

Поступила: 10.12.2025

Одобрена после рецензирования: 19.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

ВИКТИМОДРАМА-АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ КУЛЬТУРНО-РЕЛЯЦИОННОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 1

Научная статья
УДК 316.6+316.47+159.922.7

Клинико-виктимологический анализ влияния патологии межличностных семейных отношений на культурное развитие ребенка-виктима

Г. А. Другова¹

¹ Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Аннотация. В статье на основе концепции патологии межличностных семейных отношений как виктимогенного фактора Е. В. Руденского рассматривается феномен родителя-виктимайзера, согласно концепции Ю. Е. Руденской как ключевого фактора формирования виктимности ребенка.

На основе ключевой концепции драматического развития ребенка, представленной в социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского – «виктимодрама» и виктимодрама-анализа Е. В. Руденского как метода виктимологической диагностики показано, каким образом родительская модель жертвенности и агрессии формирует у ребенка устойчивую установку на вину, зависимость и беспомощность, что во взрослом возрасте проявляется в дезадаптивных формах поведения, эмоциональной неустойчивости и нарушении саморегуляции – симптомах виктимопата, по классификации Е. В. Руденского.

В качестве эмпирического примера представлен клинический случай мужчины, чьи результаты психодиагностики демонстрируют выраженные симптомы виктимопатии, тревожности и деформации самосознания.

Проведен анализ данных с опорой на труды отечественных и зарубежных ученых (П. Жане, Ф. Б. Березин, К. Карпман, С. Барон-Коэн, Е. В. Руденский и др.), раскрывающих механизмы виктимогенеза как целостного динамического процесса, начало которого закладывается в условиях межличностной патологии семейных отношений.

Сделан вывод о необходимости психотерапевтической работы, направленной на восстановление субъектности, развитие волевой регуляции и разрушения сценариев виктимного поведения.

Ключевые слова: виктимайзер; виктимность; виктимодрама; виктимология; гетерономность; культурная патология; личностная саморегуляция; родитель-виктимайзер; субъектная виктимность; травматическое переживание

Для цитирования: Другова Г. А. Клинико-виктимологический анализ влияния патологии межличностных семейных отношений на культурное развитие ребенка-виктима // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 1. – С. 62–65.

Социально-психологическая виктимология личности Е. В. Руденского изучает закономерности формирования виктимного поведения и его психологические механизмы, что отражает процессуально-динамический подход к пониманию проблем виктимной личности, ядром психологической организации которой является виктимность.

В отечественной научной традиции виктимность не рассматривается как свойство личности, проявляющееся в склонности становиться объектом насилия, манипуляции или зависимости [2; 3], а рассматривается как культурно-генетический дефект. Это противоречие преодолено разработанной Е. В. Руденским инновационной социально-психологической теорией – социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского. Теория получила имя ее создателя в силу того, что она концептуально и методологически построена на авторском теоретико-методологическом подходе Е. В. Руденского, отражающем его понимание функциональных проблем человека как социального актора, проблем, отражающих аномалии культурного развития.

Особое внимание среди функциональных проблем заслуживает проблема *виктимайзера-родителя (ВР)* – родителя, действия и эмоциональные реакции которого формируют у ребенка *виктимную позицию*. Концепция родителя виктимайзера обоснована Е. В. Руденским и активно развивается Ю. Е. Руденской и рассматривается О. О. Сальниковым в обосновании виктимодрама-терапевтической концепции социально-психологической реабилитации жертв социализационного дефекта онтогенеза – основного источника виктимогенеза личности.

Согласно Е. В. Руденскому, виктимайзерская модель родителя является одним из проявлений *культурной патологии семейных отношений*, где нарушаются базовые функции эмоциональной привязанности, эмпатии и социальной поддержки, а у ребенка формируется состояние *гетерономности* – зависимости от внешнего одобрения и невозможности саморегуляции [6].

Согласно концепции, виктимодрама [4] – это виктимизация как форма патологии межличностных отношений, в которой один субъект (виктимайзер) культивирует жертву (виктим) через вовлечение жертвы в виктимизирующий межличностный конфликт, разрешение которого связано с социальной депривацией и социально-психологической травматизацией ребенка, вынужденного не жить, а выживать.

Е. В. Руденский, опираясь на концепции П. Жане, отраженные в «Психологии действия», отмечал, что *травма-драматическое переживание* дезинтегрирует самосознание личности, лишая ее способности к самодетерминации [8]. Этим Е. В. Руденский обосновывает понимание субъектного переживания как ментального механизма развития и ментального механизма социального функционирования и выдвигает субъектное переживание как предмет гносеологии виктимогенеза и виктимодраматерапии, основываясь на авторской, оригинальной концепции трактовки виктимности.

Е. В. Руденский развивает эту трактовку, вводя понятие *виктимности самосознания* – устойчивого комплекса когнитивных, эмоциональных и социальных дефицитов, формирующих *субъектную виктимность* и структурную диссоциацию переживания [6].

Таким образом, *виктимайзер-родитель* – это агент длительной психотравматизации, создающий у ребенка когнитивно-эмоциональные схемы подчинения и вины, приводящие к культурной и личностной *виктимодраме онтогенеза*.

В клиническом примере мужчина, 37 лет, юрист по образованию, обращается с запросом на преодоление деструктивных паттернов поведения и негативных убеждений, усвоенных в детстве. В анамнезе – эмоционально небезопасная семья: отец проявлял агрессию, мать занимала пассивно-жертвенную позицию.

У ребенка закрепились установка: «я виноват, чтобы заслужить любовь», что во взрослом возрасте проявилось в тревожности, самонаказании и межличностной зависимости. Диагностика по *методике многостороннего исследования личности (ММИЛ)* [1] показала повышенные значения по шкалам тревожности ($T = 74$), паранойяльности ($T = 71$), импульсивности ($T = 93$) и аутичности ($T = 132$). Эти данные указывают на нарушение механизмов саморегуляции, свойственное *виктимодраматическому типу личности* [4], характеризующемуся структурной диссоциацией и зависимостью от внешнего источника контроля.

Е. В. Руденский вводит понятие *генетической виктимодрамы*, которая формируется в условиях патологии семейных отношений и приводит к развитию *консциентальной виктимности* – глубинной зависимости сознания от навязанных культурных сценариев социально-деструктивных действий и деструктивных когнитивных фреймов [5]. Такая модель *виктимайзинга* закрепляет сценарий «жертва – преследователь» [9] и становится основой для формирования *аддиктивной и созависимой личности*.

Согласно концепции Е. В. Руденского, гетерономная личность утрачивает способность к эмпатии и автономии, демонстрируя *социально-психологическую уязвимость и функциональную патологию самосознания* [4].

Эти выводы коррелируются с зарубежными данными [7], где дефицит эмпатии у родителей коррелирует с развитием у детей тревожности и гиперответственности – ключевых признаков *виктимности*.

Следовательно, *виктимайзер-родитель* становится своеобразным «внутренним цифровиктимайзером» – источником интроецированных паттернов, формирующих *психологическую зависимость* и культурный *виктимогенез*, аналогичный описанному Е. В. Руденским в виртуальных и семейных контекстах. Влияние *виктимайзера-родителя* на личность ребенка носит системный характер, охватывая когнитивный, эмоциональный и культурно-социальный уровни. Формируется *виктимизированное самосознание*, где нарушены механизмы эмпатии, волевой регуляции и автономии. Во взрослом возрасте это

проявляется в тревожности, созависимости, неуверенности и склонности к самообвинению.

Согласно Е. В. Руденскому [6], такие состояния можно рассматривать как *клинико-виктимологический синдром*, включающий три субсиндрома:

1. *Клинико-социологический* – социально-ролевая дисфункциональность.
2. *Клинико-психологический* – дисрегуляция самосознания.
3. *Клинический социально-психологический* – дезадаптивность и утрата субъектности.

Психотерапевтическая работа должна быть направлена на восстановление диссоциированного субъектного переживания у жертвы, осознание родительского сценария у виктимайзера-родителя, восстановление способности к самодетерминации и развитие устойчивой внутренней позиции жертвы как социального субъекта.

Список источников

1. Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Соколова Е. Д. Методика многостороннего исследования личности. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Березин Феликс Борисович, 2011. – 320 с.
2. Бодалев А. А. Личность и общение. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 304 с.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2010. – 384 с.
4. Руденский Е. В. Викtimo-драма межличностных отношений: концептуализация и феноменология // Девиантология. – 2023. – № 3 (26). – С. 24–38.
5. Руденский Е. В. Викtimo-драма онтогенеза подростка в виртуальном пространстве // Девиантология. – 2024. – № 2 (24). – С. 44–53.
6. Руденский Е. В. Субъектная виктимность как культурная патология личности. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 136 с.
7. Baron-Cohen S. The Science of Evil: On Empathy and the Origins of Cruelty. – London: Basic Books, 2011. – 256 p.
8. Janet P. Les Médications psychologiques. – Vol. II. – Paris: Félix Alcan, 1920. – P. 146–163.
9. Karpman S. Fairy Tales and Script Drama Analysis // Transactional Analysis Bulletin. – 1968. – Vol. 7, № 26. – P. 39–43.

Информация об авторе

Галина Анатольевна Другова, научный ассистент, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Поступила: 22.12.2025

Одобрена после рецензирования: 25.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

КЛИНИКО-ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕВИКТИМИЗАЦИИ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 1

Научная статья
УДК 316.6+159.97

Религиозная аддикция как социальный сценарий ревиктимизации личности

Е. А. Соколова¹

¹ Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме возрастающего количества псевдокоучей и псевдопсихологов, которые, пользуясь социальной неопытностью и психологической уязвимостью людей, вовлекают их в деструктивные сообщества, часто с финансовыми потерями и ретравматизацией. Автор статьи строит свое исследование на теоретико-методологической основе виктимологии, привлекая концепции Е. В. Руденского, О. О. Андронниковой, Ц. П. Короленко, Е. А. Фоминых и В. Д. Менделевича.

Ключевые слова: агрессивное самоутверждение; виктимность; идентичность; псевдогуру; псевдокоуч; псевдопсихолог; психологическая зависимость; религиозная аддикция; симбиотическая связь; социальная аддикция; социальная уязвимость

Для цитирования: Соколова Е. А. Религиозная аддикция как социальный сценарий ревиктимизации личности // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 1. – С. 66–70.

В последние десятилетия растет количество псевдогуру, псевдокоучей, псевдопсихологов, которые, формируя вокруг себя сообщества, предполагающие траты больших денежных средств в качестве членских взносов, часто не только не помогают вступающим в них людям решить психологические и социальные проблемы, но и, пользуясь социальной неопытностью и слабообразованной идентичностью приходящих в эти сообщества людей, лишая их последних накоплений, ретравматизируют их. А самое главное, деформируя их сознание (Е. В. Руденский, Ю. Е. Руденская), не несут за это никакой ответственности.

Данная тенденция заставляет задуматься о социальной уязвимости (виктимности, по определению Е. В. Руденского) и виктимной деформации личности (Е. В. Руденский, Ю. Е. Руденская, Ю. А. Клейберг, О. О. Сальников, С. В. Илларионов) отдельных членов общества, пытающихся решить проблемы с помощью внешнего воздействия псевдоучителя.

В теоретико-методологическую основу данной статьи положены концептуальные основы социально-психологической виктимологии личности

Е. В. Руденского [4], для подкрепления излагаемых позиций автор статьи в первую очередь будет обращаться к ней, в частности, под понятием «виктимность» он понимает следующее: «Виктимность – это культурная патология развития, которая характеризует утраты: самосознания, самодетерминации, самоинтеграции психики. Виктимность является характеристикой состояния расстройства развития личности, делающего личность уязвимой к критическим и травмоопасным ситуациям и превращающего его пожизненно зависимым от влияния доминантных людей...» [4].

Е. В. Руденский выделяет следующие признаки виктимной личности:

- субъективная неудовлетворенность;
- утрата идентичности вследствие хронического переживания страха, опасений, тревожности, стрессов, фрустраций;
- дезинтеграция индивидуальной «Я-системы»;
- утрата психокультурной автономности;
- формирование психокультурного конформизма;
- неадекватное восприятие реальности;
- неадекватные самопознание, самопереживание и самооценка;
- снижение толерантности к фрустрации;
- нарушенная резистентность по отношению к стрессу;
- патогенная и деструктивная социальная адаптация;
- агрессивно компенсирующее самоутверждение [4].

Здесь особый интерес для нас будут представлять пункты об утрате идентичности и агрессивно компенсирующем самоутверждении. По мнению автора статьи, именно данные пункты являются ключевыми в формировании нездоровой симбиотической связи «участник секты – псевдогуру», человек, полностью потерявший себя и человек с «великим» псевдознанием и ответами на все вопросы.

Концепции о разделении виктимных личностей на тех, кто в качестве компенсации собственной дефицитарности использует агрессивные или пассивные стили социальных интеракций, развивает и О. О. Андронникова [1]. В частности, она выделяет следующие типы виктимных личностей:

1. Агрессивный тип, который предстает в двух формах: активной и пассивной.

2. Мирный тип, который также предстает в двух формах: активной и пассивной.

Она поясняет свою мысль, говоря, что «готовность жертвовать всеми ради собственного дальнейшего благополучия – это активная форма агрессивного виктимного типа» [1]. В то время, как существует «активная форма мирного виктимного типа как идея спасения других через собственную жертву» [1]. Эта мысль подтверждает основную идею автора данной статьи о том, что в диаде «псевдогуру – последователь псевдогуру» существует скрытая формула «потребность контролировать – потребность быть контролируемым».

В социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского дифференциация виктимных типов осуществлена на основе базового для него

концепта – виктимность. Он отмечает: «Виктимность определяет формирование трех викмотипов – виктим, виктиман, виктимопат...» [4].

Интересна концепция Ц. П. Короленко [3]. Он отмечает, что характерной особенностью личности с виктимной идентичностью является наличие так называемой «пограничной мечты». Феномен характеризуется желанием компенсировать свою «плохость». Специфика компенсации заключается в том, чтобы «вступить в симбиотическую связь» для компенсации собственной фрагментарности. Такие люди вступают в отношения с посылом «Я хочу, чтобы ты дал мне личность». В дальнейшем он развивает свою мысль, говоря, что достаточно часто личность с виктимной идентичностью испытывает чувство пустоты, хаоса, скуки. Таким личностям сложно заявить о себе в реальной жизни. Однако роль созависимого избавляет их от необходимости активно осуществлять деятельность по собственной адаптации. Ответственность перекладывается на внешнего взрослого.

В данных концепциях автор статьи видит важную особенность всех типов виктимных личностей – потерю собственной психологической суверенности. Эту мысль поддерживает Е. А. Фоминых, которая также в концепции противопоставления «виктимной личности» и «личности с жизнестойкостью» упоминает о «зависимости» личности с виктимной организацией в противовес «автономности» здоровой личности [6].

Складывая элемент зависимости личности с виктимной организацией и ее поиск идеального объекта для восполнения собственных дефицитов психологического аппарата, автор приходит к выводу, что суммой данной формулы будет социальная аддикция с тотальной зависимостью от идеализируемого объекта, иными словами, религиозная аддикция.

На роль религиозной зависимости как социальном последствии кризисного состояния человека указывает и В. Д. Менделевич. Он отмечает: «Большая часть людей попадает в секты в состоянии психологического кризиса, отчаянья. Секты используют именно это состояние, чтобы “помочь” человеку реализовать потребность заполнить душевный вакуум, снизить тревогу, обещая быстрое и окончательное решение вопросов» [5]. И далее: «Иногда религиозная зависимость может скрываться за вполне притягательными для определенного типа людей формулировками: “отсечь свою волю”; “принести свою свободу в жертву Богу в лице наставника”. Но, попав в кризисную ситуацию, бывает, что он непрестанно ищет, кто бы ему “дал совет”, кто бы решил за него его проблемы» [5].

Для того чтобы проиллюстрировать данные тезисы, автор статьи обращается к биографической книге основателя поведенческого отдела ФБР Джона Дугласа «Охотник за разумом» [2], лично беседовавшим с главой одной из самых страшных сект XX века – Чарльзом Менсоном, основателем секты «Семья».

Дуглас пишет о Менсоне: «В 1967 он в очередной раз вышел из тюрьмы, как раз к началу “лета любви”, и отправился в Сан-Франциско, в район Хейт-Эшбери – настоящий магнит Западного побережья для “силы цветов”, секса,

наркотиков и рок-н-ролла. Главным образом ради халявы Мэнсон быстро стал харизматичным гуру для потерянного поколения отщепенцев-тинейджеров. Он играл на гитаре и туманными намеками увещевал разочарованных в жизни юнцов. Вскоре Мэнсону уже не приходилось тратить ни копейки на запретные удовольствия, секс и вещества. Из последователей обоих полов он собрал вокруг себя целую кочевую “Семью”, достигавшую пятидесяти человек. Одной из главных тем были пророчества о надвигающемся конце света и расовой войне, победителем из которой выйдет “Семья” с Чарли во главе. А Евангелием стал текст песни “Хелтер-Скелтер”, исполненной группой “Битлз” на “Белом альбоме»» [2].

Как известно, накаченные наркотическими веществами и ничего не понимающие до конца последователи секты вломились в уединенный дом режиссера Романа Полански и его жены Шэрон Тейт, в результате чего была зверски убита не только сама Тейт, но и ее гости. Через несколько дней жертвами «Семьи» стал бизнесмен Лабианка и его супруга. Анализируя, каким образом Чарльзу Менсону удалось склонить к таким зверским преступлениям вчерашних представителей молодежи среднего класса, Дуглас отмечает: «Многие из них (членов секты. – Прим. автора), особенно юные девушки, были не в ладах с отцами и потому обращались за советом к Чарли, который, будучи достаточно проницательным, тут же подчинял их себе. Он стал для них фигурой отца, который мог заполнить пустоту их жизни сексом и наркотическим просветлением» [2].

Таким образом, автор статьи приходит к выводу, что религиозная аддикция не просто является ярким проявлением социальных интеракций как активной, так и пассивной личности, но может также выступать как сценарий ревиктимизации личности, нанося непоправимый ущерб как самому виктиму, так и людям вокруг него. Ревиктимизации, которая приводит человека к виктимопатии и создает психологический фундамент для расстройства личности.

Список источников

1. Андронникова О. О. Онтогенетическая концепция виктимности личности [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Томск, 2019. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000647750> (дата обращения: 12.01.2026).
2. Дуглас Дж., Олшейкер М. Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 520 с.
3. Короленко Ц. П., Шпикс Т. А. Пограничное личностное расстройство у женщин // Сибирское медицинское обозрение. – 2011. – № 4. – С. 78–82.
4. Руденский Е. В. Дефект социализации личности как базовая категория виктимологии образования: монография. – Новосибирск: Соцтехсервис, 2004. – 124 с.
5. Руководство по аддиктологии / под ред. В. Д. Менделевича. – СПб.: Речь, 2007. – 768 с.
6. Фоминых Е. С. Психологические механизмы виктимности [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № 5. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14132.htm> (дата обращения: 15. 01. 2026).

Информация об авторе

Екатерина Алексеевна Соколова, научный ассистент, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Поступила: 24.12.2025

Одобрена после рецензирования: 26.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Общие сведения по оформлению материалов

Редакция журнала обращает внимание авторов на правила оформления и требования к материалам. К рассмотрению (рецензированию) допускаются только полностью соответствующие требованиям материалы для статей.

1) Материалы для публикации необходимо оформлять в соответствии с российскими и международными профессиональными требованиями к научной статье:

Формат текста: Microsoft Word (*.doc, *.docx). Допускается архивация с помощью RAR или ZIP;

Формат страницы: А4 (210×297 мм);

Ориентация: книжная (альбомная ориентация запрещена!);

Поля: 2 см (верхнее, нижнее, левое, правое)

Шрифт: Times New Roman, размер (кегель) – 14

Абзацный отступ (красная строка): 1,25

Межстрочный интервал: 1,25

Объем статьи: 5–25 стр. (до 40000 знаков, 1 печатный лист)

Переносы и номера страниц не ставятся.

Таблицы, рисунки и графики имеют сквозную нумерацию и названия, вставляются как внедренные объекты и входят в общий объем публикации.

Содержание статьи должно быть проверено автором на отсутствие грамматических, стилистических и других ошибок и быть оформлено в международном научном стиле.

Название файла должно соответствовать фамилии и инициалам первого автора (напр.: Иванов И. И. или Ivanov I. I.).

2) Публикуемые к статье сведения на русском языке.

– УДК

– Фамилия, имя, отчество автора/авторов (полностью)

– адресные сведения об авторе без сокращений и аббревиатур: место работы (учебное заведение или организация), город, страна

– название статьи

– аннотация статьи

– ключевые слова

– пристатейный список литературы

Если авторов несколько, информация о них представляется поочередно. Шрифт жирный, размер шрифта – 14, выравнивание текста по центру.

Структура оформления статьи:

– название статьи

– аннотация: 450–1500 знаков (50–200 слов); структурированная развернутая аннотация сохраняет структуру статьи и содержит компоненты:

– ключевые слова: 5–10 слов, размер шрифта – 12;

– проблема и цель исследования;

– методология (материалы и методы);

- результаты исследования;
- заключение (выводы в соответствии с целью статьи, вклад автора).

Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Не допускается в аннотации цитирование и ссылки на другие работы. Размер шрифта – 12.

3) Текст статьи: содержание и структура.

Содержание научно-исследовательской статьи формируется с соблюдением нижеописанной структуры и должно представлять интерес для читателей журнала:

- *постановка проблемы*, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме;
- *методология* (материалы и методы);
- *результаты исследования*, обсуждение;
- *заключение* (выводы в соответствии с целью статьи, вклад автора).

В статьях аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов после пристатейного списка литературы размещается информация о научном руководителе:

- ФИО (полностью);
- ученая степень;
- ученое звание;
- занимаемая должность;
- место работы (кафедра, факультет, учебное заведение или организация);
- город;
- страна;
- e-mail;
- ORCID (желательно).

4) Пристатейный список литературы (на русском языке).

Содержит не менее 10 научно-исследовательских источников (для теоретических обзоров – не менее 30 источников), в т. ч. не менее 30 %, опубликованных за последние 3–5 лет в научных изданиях, индексируемых в базах данных РИНЦ, SKOPUS.

Оформляется согласно ГОСТ 7.0.5-2008 (Общие требования см. <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>). Все источники по возможности должны иметь DOI или URL-адрес национального архива (электронные ссылки в пристатейном списке литературы должны быть активны). За достоверность представляемых библиографических данных ответственность несут авторы вплоть до отказа в праве на публикацию.

Библиографические ссылки в тексте указываются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы (в случае цитирования), например, «Текст цитаты...» [3, с. 32]. Использование подстрочных ссылок не допускается.

Списки литературы признают идеи других авторов и помогают избежать обвинения в плагиате; позволяют читателям найти источники материалов, на которые ссылается автор; демонстрируют масштаб исследований автора (через возможное, не более 25 %, цитирование своих публикаций).

5) Сведения об авторах подаются адресные и полные (без сокращений и аббревиатур).

Адресные сведения об авторе – размещаются в авторском резюме:

- инициалы и фамилия;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы (кафедра, факультет, учебное заведение или организация);
- место работы по проекту (при наличии);
- занимаемая должность (для студентов / магистрантов / аспирантов – курс, направление обучения, факультет, учебное заведение);
- город;
- страна;
- e-mail;
- ORCID (желательно).

Адресные сведения об авторе передаются в базы цитирования в сопровождение к тексту статьи, поэтому важна правильная и полная подача адресных сведений авторов и принадлежность к организации. При необходимости автором указывается и основное место работы, и место работы по проекту, и место учебы (для студентов, магистрантов, аспирантов).

Отсутствие адресных сведений автора в полном объеме, а также отсутствие унифицированного написания наименований российских организаций (НИИ, вузов и др.) на английском языке, вольное их написание, применение сокращений и аббревиатур не позволяет корректно создавать профили авторов и организаций в базах цитирования.

Полные сведения об авторе – размещаются на отдельной (последней) странице и не входят в общий объем статьи:

- фамилия, имя, отчество (на русском языке);
- ученая степень, ученое звание (на русском языке);
- занимаемая должность (на русском языке);
- место работы: кафедра, факультет, учебное заведение или организация с указанием адреса организации без сокращений и аббревиатур (на русском языке);
- место учебы (для студентов / магистрантов / аспирантов) – курс, направление обучения, факультет, учебное заведение (на русском языке);
- почтовый адрес с указанием страны и индекса;
- e-mail;
- контактный телефон.

Полные сведения об авторе используются для создания базы данных статей на сайте журнала для внутреннего пользования и администрирования, являются конфиденциальной информацией и применяются в соответствии с законодательством об использовании персональных данных.



ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУДЕНСКИЙ

Главный редактор журнала «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)», клинический социолог, клинический виктимолог, клинический психолог, режиссер-терапевт виктимодрама-социатрии, почетный академик международной академии образования, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор социальной психологии и клинической социологии, действительный член академии педагогических и социальных наук, действительный член международной академии образования, действительный член международной академии социальной работы, действительный член международной академии социального прогнозирования, действительный член международной академии психологических наук, член-корреспондент международной академии наук высшей школы, президент-научный руководитель научно-исследовательской ассоциации «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», rudenskiy@rambler.ru, Колывань, Новосибирская область, Россия